

РАБЫНЯ

Юлия Белова

Юлия Белова

Рабьяня

<https://litres.ru/74506452>

SelfPub; 2026

Аннотация

Драматическая история принцессы, чья жизнь превратилась в череду невыносимых испытаний. На её королевство внезапно напали: в кровавой расправе погибла вся королевская семья, а сама девушка пережила чудовищное насилие.

Судьба не оставила ей шанса на спокойное горевание: попав в руки работорговцев, принцесса оказывается лишена даже имени и человеческого достоинства. В конечном счёте её дарят в гарем.

Несмотря на унижения, боль и потерю всего, что было дорого, в душе героини не угасает пламя мести. Каждый день в позолоченной клетке она лелеет одну мысль — отомстить тем, кто разрушил её мир и отнял семью. Путь к возмездию будет тернист, но жажда справедливости превращает хрупкую принцессу в неумолимую силу, готовую бросить вызов могущественным врагам.

Это история о выживании, внутренней силе и неукротимой воле, способной превратить жертву в судью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	44
Глава 3	67
Глава 4	97
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Рабыня

Пролог

В воздухе витал тяжёлый, гнетущий запах — смрад людских испражнений, немытых тел и безысходности. Тихие стоны переплетались с приглушённым плачем, словно скорбная мелодия, вечно звучащая в этом проклятом месте. Глаза рабов были пусты — в них не осталось ни надежды, ни огня, лишь безжизненный взгляд, устремлённый в никуда.

Они не были людьми. Они были товаром. Живым имуществом, чья единственная ценность заключалась в том, какую прибыль сможет извлечь из них хозяин. Даже право на жизнь им не принадлежало — всё, вплоть до последнего вздоха, находилось во власти того, кто владел ими.

Девушка медленно провела рукой по ноющим запястьям. Кожа на них была тонкой, почти прозрачной, сквозь неё проступали синеватые вены. На шее, раздражая и причиняя боль, сжимал горло жёсткий металлический ошейник — он уже стёр кожу до крови. Невыносимый зуд преследовал её неотступно. Воды, которую выдавали рабам, едва хватало, чтобы смочить тряпку и кое-как обтереть тело. После этого приходилось вновь надевать грязную, изодранную одежду, пропитанную потом и отчаянием. Затылок снова зачесался — она с ужасом подумала о том, что, возможно, в её волосах

уже копошатся вши, как и у многих других здесь.

Рядом бесшумно опустился мужчина. Он не произнёс ни слова — просто сложил руки на коленях и замер, словно изваяние. Он сел достаточно близко, но между ними всё же сохранялась незримая дистанция.

Её враг.

Тот, кому она однажды спасла жизнь.

Теперь он был её единственной защитой — щитом, прикрывающим от похотливых взглядов, от неудовлетворённой жажды мужчин-рабов и охранников. Как причудливо порой сплетает судьба нити человеческих судеб...

Взгляд девушки упал на деревянную миску, наполненную мутной, зловонной водой. Посуда давно прохудилась — в неё можно было налить лишь на два пальца. Никто и не думал выдавать рабам новую. В этот миг луч заходящего солнца пробился сквозь щель, и на поверхности воды заиграл солнечный зайчик. Девушке показалось, что это не просто игра света, а злая усмешка судьбы. Ведь этот лучик был свободен — в отличие от неё.

Внезапно с улицы донёсся отчаянный женский крик. Ещё одна несчастная, которой не повезло оказаться на пути скупающих охранников. Видимо, хозяина не было дома — при нём они не позволяли себе такого. Он мог наказать, но не из сострадания к жертве. Всё было куда прозаичнее: девушка была товаром. А хозяин не терпел, когда портили его имущество. Ведь тогда за неё дадут меньше. Если, конечно, она

останется в живых после этих «игрищ». Зачастую девушки не возвращались обратно.

Очередной пронзительный крик заставил девушку зажать уши руками. Она крепко зажмурилась и начала раскачиваться взад-вперёд, беззвучно бормоча что-то себе под нос. Мужчина лишь скосил на неё взгляд, по-прежнему храня молчание. Он ничего не мог сделать.

— ...Я выдержу... Я выдержу... Я всё это выдержу... Я вернусь и отомщу... Я убью Аджерхана... Верну Иррилию...

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. Лучик исчез, унося с собой насмешливого солнечного зайчика. Тьма окутала всё вокруг, словно пытаясь поглотить последние остатки надежды.

Глава 1

— Трианна Аурелия Рейнвардж, принцесса Иррильская! — громогласно, с торжественной величием провозгласил церемониймейстер, и звук его голоса, словно удар гонга, разнёсся по залу.

Ей исполнилось пятнадцать. Этот день она ждала с трепетным волнением, будто каждую ночь видела его в своих мечтах.

Платье из тончайшего шёлка персикового оттенка обнимало фигуру, подчёркивая безупречную белизну кожи. Алые губы, не нуждавшиеся в краске, расцветали улыбкой, манящей и невинной. В волосах — необыкновенно светлых, словно сотканных из лунного света, — поблёскивали жемчужины. «Поцелованные луной», — шептали при дворе. Именно этот редкий оттенок был знаком древнего рода Ритман: все его потомки носили на голове сияющую копну волос, похожих на серебристый свет полнолуния.

Трианна унаследовала не только материнские волосы, но и её глаза — огромные, ярко-синие, сейчас горящие пламенем предвкушения. На тонкой шее переливалась золотая цепочка с кулоном: семейный герб — два дракона, бережно держащие в лапах щит с изображением солнца, а над ним — сияющая корона. Символ королевской крови Иррилии, запечатлённый в металле.

Двери распахнулись.

Сотни взглядов устремились к ней — восхищённые, любопытные, завистливые. Но среди этого моря глаз не было тех, что были знакомы ей с детства.

Войтан Зиретек — её лучший и единственный друг, сын главнокомандующего иррильской армией, лорда Маркуса Зиретека, — вместе с отцом отбыл на Лурийское побережье. Там разгорался конфликт с местным лордом, возмнившим себя владыкой всего прибрежного края и терроризировавшим мирных жителей.

«Если бы Тан был здесь...» — мелькнула мысль. Он наверняка отпустил бы какую-нибудь дерзкую шутку, чтобы рассеять её волнение. Может, сказал бы что-то в своём духе: «Принцесса, ты сегодня — главное блюдо вечера, на которое все облизываются!»

Да, сегодня она — главное украшение бала. Этот пышный праздник устроен в её честь, в честь её дня рождения. Вся эта многочисленная толпа собралась ради неё. Но среди восхищённых и обожающих взглядов таились и другие — те, что жадно выискивали малейший промах. Однако Трианна не доставит им этого удовольствия. Она выше сплетен, выше мелочных интриг.

День рождения принцессы был не единственным поводом для королевского бала.

Мать, понизив голос, шепнула ей по секрету: сегодня осуществится ещё одна, самая сокровенная мечта Трианны.

Принц Дамир Сойрэн попросит её руки.

Сердце девушки забилося чаще, словно птичка, рвущаяся на волю. В груди разлилось тёплое, пьянящее ощущение — смесь радости, тревоги и сладкого ожидания.

Дамир Сойрэн стал её мечтой три года назад — с того самого мгновения, когда она впервые увидела его в королевском саду.

В тот день юная принцесса, вырвавшись на долгожданный выходной от изнурительных учебных занятий, укрылась в северной части сада. В увитой плющом беседке, окутанной тишиной и ароматом цветущих роз, она с упоением погрузилась в чтение — тайком добытый у фрейлин роман о прекрасных принцессах и отважных рыцарях, совершавших подвиги во имя любви. Страницы шелестели под пальцами, а воображение рисовало картины благородных сражений и возвышенных чувств.

Принцу Дамиру тогда было восемнадцать. Он впервые прибыл в их королевство с самостоятельной миссией, посланный отцом.

Когда Трианна, закончив чтение, направилась во дворец, внезапный порыв ветра сорвал с её головы шляпку и забросил на высокую ветку дерева. Она пыталась достать её сама — тянулась, подпрыгивала, искала палку, — но всё было тщетно. И именно в этот момент, словно герой из той самой книги, перед ней возник принц Дамир Сойрэн.

Сердце Трианны замерло.

Он был прекрасен: медно-рыжие волосы отливали золотом в лучах солнца, а улыбка... такая обворожительная, что принцесса на миг потеряла дар речи. Именно так, по её представлениям, и должен выглядеть настоящий рыцарь — благородный, статный, с взглядом, в котором таится тайна.

Дамир легко снял шляпку с ветки и протянул ей. Трианна смотрела на него, словно на ожившую сказку. А он — на неё... как на маленькую, неловкую девочку.

И она действительно была такой — растерянной, смущённой, бесконечно далёкой от того идеального образа, который рисовала в своих мечтах.

Но в тот миг, глядя ему вслед, Трианна дала себе клятву: она сделает всё, чтобы заслужить его внимание. Чтобы стать достойной его уважения. Чтобы однажды — возможно, когда-нибудь — завоевать его любовь.

С того дня она училась с удвоенной силой. Требовала от учителей новых знаний, углублялась в предметы, которые раньше казались ей необязательными. География, история, математика, риторика, ораторское искусство, дипломатия, политика — она впитывала всё, стремясь стать не просто принцессой, а женщиной, которую невозможно не заметить.

Трианна не была наследницей престола. После короля Арнэда Трэста Рейнварджа трон должен был перейти к его младшему ребёнку — сыну Аерстану Норвану Рейнварджу. Но отец никогда не делал для дочери поблажек.

— Ты должна быть лучшим другом, советником, надёж-

ной опорой и поддержкой своему брату-королю, а когда-нибудь — и мужу, — повторял он.

И она старалась. Усердно, неустанно, с горящими глазами и твёрдым намерением доказать: она достойна большего.

И вот сегодня её мечта наконец сбудется.

Трианна отыскала взглядом мощную фигуру принца — и всё внутри неё замерло. Время будто остановилось, а сердце забилось чаще, словно пытаясь вырваться из груди.

В этот миг она поймала насмешливый взгляд матери. Щёки мгновенно вспыхнули — стыд и смущение окатили её горячей волной. Только теперь принцесса осознала, что так и стоит в дверях, не сделав ни единого шага вперёд.

Её учительница по этикету пришла бы в ужас.

«Никогда, ни при каких обстоятельствах не выдавайте своих чувств на людях. Что бы ни случилось — держите спину прямо, взгляд твёрдо, ибо вы — Трианна Аурелия Рейнвардж, принцесса великой Иррилии».

Голос наставницы эхом прозвучал в сознании девушки, и она невольно выпрямилась, словно невидимая нить потянула её позвоночник вверх.

Принцесса Иррильская слыла воплощением неземной красоты — дар, унаследованный от матери, королевы Эренсии. Та, в свою очередь, была последней наследницей древнего и прославленного рода Ритманов, правителей небольшого княжества Ленов. Союз Эренсии Ритман и короля Арнеда Трэста Рейнварджа не просто скрепил сердца — он объ-

единил земли, присоединив Ленов к Иррилии.

С лёгкой, почти неуловимой улыбкой на губах Трианна скользила сквозь расступившуюся толпу. Подбородок приподнят, осанка безупречна, движения — плавные, отточенные годами тренировок. В этот миг наставница могла бы гордиться своей ученицей: ни тени волнения, ни намёка на смятение.

Подойдя к королевскому возвышению, принцесса склонилась перед отцом, затем заняла место рядом с матерью. Справа от короля, как подобает наследнику, стоял её младший брат Аерстан. По причине юного возраста ему не позволялось оставаться до конца торжества — после официальной части он покинет зал под бдительным присмотром нянюшек.

Король Арнэд Трэст Рейнвардж поднялся, чтобы произнести торжественную речь. Его голос, глубокий и уверенный, наполнил зал:

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы отметить день рождения нашей драгоценной принцессы. Благодарю всех, кто нашёл время разделить с нами этот, пусть скромный, но от того не менее радостный праздник.

Завершив речь, он объявил бал открытым.

В тот же миг зазвучала музыка — нежная, переливающаяся, словно ручей на весеннем солнце. Король подал руку дочери, и они вышли в центр зала. Их танец был воплощением грации: плавные движения, синхронные повороты, взгляды, полные теплоты. Гости замерли, очарованные этой картиной

— отцом и дочерью, слившимися в едином ритме.

Когда танец завершился и королевская семья вернулась на свои места, к Трианне тут же выстроилась очередь из желающих лично поздравить именинницу. Она улыбалась, благодарила, изящно склоняла голову — и в то же время краем уха прислушивалась к перешёптываниям фрейлин. Те, увлечённые сплетнями, порой забывались, и королеве Эренсии не раз приходилось одёрнуть чересчур разошедшихся девиц, а заодно — мягко напомнить дочери о сдержанности.

Но мысли Трианны были далеко. Её взгляд снова и снова скользил по залу, выискивая одну-единственную фигуру. Каждый раз, когда их глаза встречались, сердце принцессы срывалось в бешеный галоп, а в груди разливалось тепло, от которого кружилась голова.

И вот, наконец, настал момент, которого она так ждала.

Принц Дамир Сойрэн направился к ней.

Трианна замерла, чувствуя, как дрожат кончики пальцев. Вокруг царило безумие: дамы всех возрастов без стеснения строили принцу глазки, кокетливо поправляли платья, выставляли напоказ декольте. Самые настойчивые матери пытались протолкнуть вперёд своих дочерей, но Дамир, словно опытный танцор, ловко обходил все ловушки, не сбиваясь с пути.

Его взгляд был устремлён только на неё.

С каждым его шагом дыхание Трианны становилось всё прерывистее, а руки — всё холоднее.

— Ваше высочество, своей красотой вы затмили все самые яркие звёзды на небе. Примите мои наилучшие пожелания и поздравления в свой день рождения, — с тёплой улыбкой произнёс принц, склоняясь к руке принцессы.

Трианна почувствовала, как жар предательски разливается по щекам. Мягкие мужские губы коснулись её кожи — и этот невинный поцелуй пронзил её, словно удар молнии. Она с трудом сдержала судорожный вздох, рвавшийся из груди.

Дамир не спешил отпускать её руку — задержал дольше, чем позволял этикет. Принцесса сглотнула, губы невольно приоткрылись. Эта мимолетная слабость не укрылась от внимательного, чуть насмешливого взгляда принца. На его лице расцвела лёгкая самодовольная улыбка, а в глазах заиграл лукавый блеск.

— Благодарю, Ваше Высочество, вы очень любезны, — едва слышно, чуть запинаясь, ответила Трианна.

Принц едва заметно кивнул и отступил на шаг, переводя взгляд на короля и королеву.

Вот он — миг, который Трианна видела в своих снах три долгих года.

Королева, уловив напряжение дочери, едва заметно подмигнула ей и вновь обратила внимание на принца. За спиной принцессы фрейлины притихли, наострив уши: никто не хотел упустить ни слова из того, что сейчас произойдёт.

— Ваше величество, — голос Дамира, звонкий и уверенный, разнёсся по залу, — я, наследник трона Сорина, стар-

ший сын короля Мартина Сойрэна, Дамир Сойрэн, прошу руки вашей дочери.

Тишина обрушилась мгновенно. Музыканты замерли, смолкли переливы скрипок и арф. Всё внимание обратилось к королевскому возвышению. Толпа незаметно подавалась вперёд, вытягивая шеи, ловя каждое движение, каждый взгляд.

Король медленно, взвешенно посмотрел на принца, затем перевёл взгляд на дочь. Трианна изо всех сил держала спину прямо, лицо — бесстрастным. Но внутри всё трепетало. Она старалась вложить в свой взгляд безмолвную мольбу, обращённую к отцу. И, кажется, он понял: в его глазах плясали смешинки — он знал, каким будет ответ.

Конечно, всё давно было предрешено.

За закрытыми дверями дворцовых кабинетов, в полумраке, пронизанном тонкими лучами света, уже десятки раз перекладывали пергаменты с гербами, сверяли цифры, взвешивали выгоды. Дипломаты, словно искусные ювелиры, шлифовали каждую формулировку брачного договора — чтобы ни один камень не выпал из короны союза, чтобы ни одна грань не заиграла опасным отблеском.

Нынешнее предложение — не более чем изящная формальность, тщательно выверенный спектакль для подданных. Роскошная декорация, где каждый жест отточен, каждая реплика выверена, а улыбки — словно маски из тончайшего фарфора.

Народ увидит пышный праздник, услышит торжественные клятвы, восхитится блеском нарядов и сиянием драгоценностей. Люди будут рукоплескать, веря, что становятся свидетелями рождения любви — а на деле станут зрителями заключения сделки, выстраданной месяцами переговоров.

Брачный договор уже покоится в ларце из чёрного дерева, украшенном серебряной вязью. Он ждёт своего часа — того мгновения, когда перья двух молодых людей коснутся пергамента, оставив росчерки, которые свяжут не просто две судьбы, а два королевства.

Заметив, что дочь на грани, королева легонько коснулась руки мужа, напоминая: пора.

— Принц Дамир, я безгранично уважаю вашего отца и вас лично. И полагаю, что лучшего избранника для моей дочери и быть не может. Однако ответ на этот вопрос должна дать сама принцесса. Если она ответит согласием, я дам своё родительское благословение на этот брак.

Король обернулся к Трианне:

— Дочь моя, подойди.

На негнущихся ногах, словно ступая по тонкому льду над бездной, Трианна сделала несколько шагов к тем, кто ждал её решения. Принц Дамир Сойрэн — мужчина её мечты, её тайная надежда, её трепетная греза — опустился на одно колено.

— Принцесса Трианна, согласны ли вы стать моей женой? — голос принца звучал ровно, но в нём угадывалась ед-

ва уловимая дрожь. Он протянул руку — сильную, уверенную, но в этот миг словно полную невысказанной мольбы.

Трианна прикусила губу — глупая, детская привычка, за которую королева Эренсия не уставала её упрекать. И сейчас в материнском взгляде промелькнуло лёгкое недовольство, но оно тут же растворилось в океане чувств, переполнявших принцессу.

— Я согласна, — ответила она, и голос её, обычно звонкий и ясный, прозвучал чуть охрипшим, будто прорвавшимся сквозь невидимую преграду.

Она вложила свою руку в ладонь принца — тонкую, дрожащую, но твёрдую в своём решении.

Зал взорвался. Громкие аплодисменты, радостные возгласы, смех, поздравления — всё слилось в единый, торжествующий гул. Дамир склонился и запечатлел долгий, почти благоговейный поцелуй на запястье Трианны. Затем поднялся, не выпуская её руки.

Советник принца подал небольшую красную коробочку. В следующий миг на безымянном пальце левой руки принцессы засияло кольцо — изящное, с алмазом в форме капельки, словно застывшая слеза счастья. Позже, на свадебном обряде, его сменит родовое кольцо Сойрэнов — золотое, с выгравированным гербом династии.

Король произнёс краткую, но полную достоинства речь о состоявшейся помолвке. Королева, не скрывая слёз радости, обняла сначала дочь, затем будущего зятя, шепнув им что-то

тёплое и сокровенное.

Принц, теперь уже официально её жених, повёл Трианну в центр зала — на их первый совместный танец. Улыбка, расцветшая на лице принцессы, была ослепительна, как утреннее солнце. Фрейлины махали ей вслед — радостно, восторженно, но с едва уловимой тенью зависти в глазах.

— Я очень рад, что вы согласились, — прошептал Дамир, едва они сделали первые шаги в танце.

Его тёплое дыхание коснулось щеки Трианны, и по её спине пробежали мурашки — тонкие, как шёлковые нити, но обжигающие, как искры.

— А разве могло быть иначе? — вырвалось у принцессы, и она тут же осеклась, смутившись собственной откровенности.

Дамир улыбнулся — тепло, искренне, с лёгкой искоркой в глазах. Ему нравилось это смущение, эта искренняя, почти детская растерянность. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде читалось что-то большее, чем просто вежливое внимание.

А она снова прикусила губу — и, конечно, даже не заметила этого.

— Я волновался. Боялся, что такой прекрасной девушке не нужен в спутниках жизни обычный мужчина, как я, — тихо произнёс Дамир, и в его голосе прозвучала непривычная для принца искренность.

Музыка смолкла, и он, чуть склонив голову, спросил:

— Не желаете ли прогуляться? Помнится, у вас был потрясающий сад.

Трианна лишь молча кивнула. Их пальцы переплелись — тёплые, уверенные, обещающие. Взявшись за руки, они покинули бальный зал, скользнули сквозь стеклянные двери и ступили на аллею, ведущую в королевский сад.

Принцесса спиной ощущала десятки взглядов — любопытных, оценивающих, завистливых. Они следовали за ней, словно незримая тень, на всём пути от тронного зала до самых ворот сада.

Некоторое время они шли молча. Мысли в голове Трианны кружились вихрем — яркие, несмелые, робкие. Она не знала, с какой начать разговор.

К тому же сад вовсе не был безлюден. По дорожкам прогуливались придворные, звучали приглушённые беседы, смех, шёпот. А сразу за ними, едва переступив порог балльного зала, последовали две фрейлины королевы. Женщины держались на почтительном расстоянии, вели тихую беседу, делали вид, что их вовсе не интересуют идущие впереди молодые люди. Но Трианна знала: они не упускают ни единого жеста, ни единого слова.

Да, они теперь официально помолвлены. Но это не давало им права остаться наедине без присмотра дуэньи.

Принцесса бросила мимолётный взгляд на своих «нянек» и не смогла сдержать тяжёлого вздоха. Всю жизнь она была послушной дочерью, прилежной ученицей, безупречной

принцессой. Она следовала правилам, впитывала наставления, подчинялась этикету так же естественно, как дышала.

Но именно сейчас, в этот миг, когда мечта, казавшаяся недостижимой, стала реальностью, ей отчаянно хотелось нарушить хоть одно из этих незыблемых правил. Хоть раз — только раз! — остаться с ним наедине, без свидетелей, без оков приличий.

— Этот сад так же прекрасен, как я его помню, — наконец заговорил Дамир, прерывая молчание.

— О да, мама всегда следит за его состоянием, — с тёплой улыбкой ответила Трианна.

— У вас есть здесь любимое место?

— Беседка в северной части, — мгновенно отозвалась она и тут же, словно подхваченная порывом ветра, добавила: — А у вас?

— Это скорее не место, а воспоминание.

— И что же это? — в её голосе прозвучало искреннее любопытство.

— Вы.

— Что? — выдохнула Трианна, и от неожиданности её нога подвернулась.

Если бы не твёрдая рука Дамира, мгновенно обхватившая её талию, она непременно оказалась бы на земле — к великому позору перед всеми, кто мог бы это увидеть.

Инстинктивно она упёрлась ладонями в грудь принца. Под тонкой тканью камзола отчётливо билось его сердце —

сильно, рвано, в унисон с её собственным, готовое, казалось, вырваться наружу.

— Попадая в этот сад, я в первую очередь думаю о вас, — тихо, почти шёпотом произнёс Дамир, глядя в её широко распахнутые глаза. — Ведь именно здесь мы впервые встретились.

— Вы... помните? — голос Трианны дрогнул, стал глухим, осипшим.

— А разве я могу забыть? — он чуть наклонился, и его дыхание коснулось её уха.

От этого шёпота у Трианны перехватило дыхание. Жар хлынул к щекам, разлился по шее, окрасил кожу в нежный румянец. Всё это казалось... слишком. Слишком личным, слишком сокровенным для чужих глаз.

Она невольно бросила взгляд в сторону. Фрейлины королевы стояли неподалёку, с преувеличенным вниманием обсуждая что-то между собой. Их позы, взгляды, жесты — всё выдавало нарочитую незаинтересованность. Видимо, королева дала им негласный указ: позволить помолвленным хоть немного побыть наедине, не вторгаясь в каждое их слово.

— Но ведь я тогда была ещё совсем ребёнком, — неуверенно пролепетала Трианна, пытаясь собраться с мыслями.

— Вы уже тогда были красивой взрослеющей девушкой, — мягко возразил Дамир. — В своём милом голубом платье, с книгой, прижатой к груди, и глазами, полными любопытства.

— Вы... всё это помните? — она едва слышно выдохнула, не скрывая изумления.

Вместо ответа принц неожиданно склонил голову.

Его губы коснулись её губ — легко, трепетно, почти неведомо.

Трианна замерла. Веки опустились сами собой, словно защищая её от реальности, которая вдруг стала слишком яркой, слишком настоящей. Она боялась пошевелиться, боялась спугнуть это мгновение, боясь, что оно растает, как утренний туман.

И, признаться, она не знала, что делать. Ведь это был её первый поцелуй — по-настоящему первый. Тот детский миг за конюшнями, когда пятилетние Войтан и Трианна на спор прикоснулись губами, нельзя было считать настоящим.

Сколько раз она засыпала с этой мечтой! Сколько ночей представляла этот момент — прикосновение Дамира, его дыхание, его голос...

Да, это был краткий, почти целомудренный поцелуй — фрейлины королевы всё же не спускали с них глаз. Но для Трианны он стал целой вселенной.

В эту секунду она была счастлива так, как никогда прежде.

Дамир отстранился — медленно, неохотно — и с едва уловимой улыбкой взглянул на Трианну. Она всё ещё стояла с закрытыми глазами, затаив дыхание, словно боялась разрушить хрупкое волшебство момента.

Вдруг она ощутила, как под её ладонями задрожала грудь

принца — тихо, сдержанно, но неудержимо. Он смеялся. Трианна резко распахнула глаза и отступила на шаг, вырываясь из тёплого кольца его рук.

Но Дамир не собирался отступать. Плавным движением он снова приблизился, осторожно взял её за подбородок и приподнял её лицо, заставляя встретиться с ним взглядом.

— Ты такая забавная... невинная малышка, — прошептал он.

Его голос обволакивал, но слова ударили неожиданно остро. Трианна вспыхнула — то ли от смущения, то ли от укола обиды. Можно было принять это за ласковый комплимент, а можно — за едва скрытую насмешку, граничащую с пренебрежением. Она открыла рот, пытаясь найти достойный ответ, но...

В этот миг небо над ними взорвалось.

Свист, грохот, ослепительная вспышка — и алый «цветок» расцвёл прямо над головой. Трианна замерла, вскинув взгляд. Это не мог быть фейерверк. Она точно знала: по плану королевы первый залп должен прогреметь лишь в полночь, а до неё оставалось ещё не меньше полутора часов.

Что-то пошло не так.

— Сигнальный огонь, — тихо, почти беззвучно произнёс Дамир.

И в тот же миг его тело напряглось, словно натянутая струна.

Где-то вдали раздался женский крик — пронзительный,

полный ужаса. Он оборвался так резко, что стало ещё страшнее.

А потом...

Из западной части сада, где находился выход в город, хлынула волна тёмных фигур. Вооружённые, бесшумные, они неслись сквозь аллеи, словно тень смерти.

Один из них настиг бегущую пару. Взмах изогнутого меча — и мужчина рухнул без звука. Женщина, бежавшая рядом, закричала, остановилась, глядя на упавшего возлюбленного. Но её крик тут же захлебнулся — тот же клинок оборвал и её жизнь.

Трианна застыла.

Она не могла пошевелиться, не могла закричать. Только смотрела — широко раскрытыми глазами — как падают запертво люди, как толпа убийц несётся прямо к ним.

Ночь превратилась в кровавый кошмар.

— Принцесса, вам нужно уходить! — резкий голос фрейлины прорвался сквозь пелену оцепенения. Холодные пальцы впились в локоть Трианны, вырывая её из ступора.

— Это вакхалийцы. Ко дворцу! — скомандовал Дамир, схватив её за руку. Его пальцы сомкнулись железной хваткой, и он рванул её вперёд, прочь от ужаса, разворачивающегося за спиной.

За ними катился гул: хрипы умирающих, звон мечей, топот сапог, настигающих жертву. Крики рвали ночь на части, а каждый шаг отдавался в висках Трианны глухим стуком.

Она двигалась словно во сне. Всё её существо оцепенело, будто душа отделилась от тела, наблюдая со стороны за этим безумием. Где-то в глубине сознания билась мысль: *где стража? Почему никто не пришёл на помощь?*

Ответ явился, едва они приблизились ко дворцу.

Одна половина стражников лежала без движения, заливая брусчатку алыми лужами. Вторая — отчаянно сражалась в бальном зале, куда уже ворвались вооружённые тени. Враг разделился на группы: одни резали людей в саду, другие — пробивались внутрь.

Дамир выругался сквозь зубы и резко сменил направление.

Пробегая мимо огромных окон, Трианна увидела то, от чего сердце оборвалось: толпа в тёмных плащах окружила её родителей. Король и королева оказались прижаты к стене, словно загнанные звери. Стража падала одна за другой, а нападавшие, словно голодные волки, сжимали кольцо.

Аерстан, её младший брат, стоял позади матери, бледный, но с гордо поднятой головой.

Король сражался. С мечом в руке, с лицом, искажённым яростью, он отбивался, прикрывая жену и сына. Его клинок сверкал, отражая свет факелов, но силы были неравны.

— Отец! — крик вырвался из груди Трианны. Она рванулась вперёд, но Дамир резко остановил её, сжав руку до боли.

Она не знала, чем могла помочь. Не умела сражаться. Но ей *нужно* было быть там. Рядом с семьёй.

Страх не исчез. Ужас по-прежнему сжимал горло, но внутри что-то вспыхнуло — упрямое, огненное. Она снова попыталась вырваться, дёргаясь в стальной хватке принца.

— Не глупи! Нам нужно укрыться! — рявкнул Дамир, сжимая её руку ещё сильнее. Боль пронзила запястье, но Трианна даже не поморщилась.

Её взгляд, полный отчаяния и ярости, всё ещё был прикован к окнам, где её семья сражалась за жизнь.

— Он прав, принцесса, — голос Жалетты, фрейлины королевы, прозвучал твёрдо, но в нём угадывалась нотка сострадания.

— Но там мои родители! — вскрикнула Трианна, резко оборачиваясь.

Окна бального зала уже скрылись за поворотом, оставив за собой лишь отголоски ужаса — звон мечей, крики, предсмертные стоны.

— Сейчас нам самим нужно остаться в живых! — прорычал Дамир, не сбавляя шага. Он обернулся к фрейлинам: — Как мы можем покинуть территорию дворца?

— Свернём налево, через окно попадём в хозяйственную часть. Пройдём через кухню и выйдем к воротам, которыми пользуются слуги, — мгновенно сориентировалась Жалетта. Её голос звучал чётко, словно она десятки раз прокручивала этот путь в голове.

Дамир не стал спорить. Молча кивнув, он последовал за фрейлиной, которая рванула вперёд, уверенно лавируя меж-

ду колоннами и арками.

Трианна едва успевала переставлять ноги. Она то и дело вскрикивала, зовя родителей, но её голос тонул в хаосе ночи. В конце концов она просто повисла на руках Дамира и Жалетты, которые буквально тащили её вперёд.

Боль в боку нарастала, словно раскалённый клинок, вонзающийся при каждом шаге. Дыхание сбилось — каждый вдох давался с трудом, будто лёгкие вот-вот разорвутся от напряжения. По щекам струились слёзы, размывая очертания окружающего мира. А в голове билась одна мысль — страшная, ледяная: *кто-то сейчас умирает за её спиной.*

— Сюда, — Жалетта резко остановилась перед одним из множества одинаковых окон, выстроившихся вдоль стены.

Дамир наконец отпустил руку Трианны. Шагнув в сторону, он наклонился и поднял с земли увесистый камень.

Принцесса дрожала всем телом. Когда раздался резкий звон разбитого стекла, она вздрогнула и не смогла сдержать испуганный вскрик.

Дамир разбил окно. Осколки брызнули во все стороны, но Лорана успела прикрыть Трианну, заслонив её собой. Когда опасность миновала, фрейлина остановила принца, уже готового запрыгнуть внутрь:

— Сначала я. Проверю, чтобы никого не было.

Дамир лишь кивнул. Сняв камзол, он набросил его на острые края подоконника, затем помог Лоране взобраться. Трианна смотрела, как фрейлина исчезает в темноте, и сердце её

сжималось от тревоги.

Несколько томительных мгновений они стояли в напряжённой тишине, прислушиваясь к хаосу, бушующему снаружи. Крики, звон оружия, тяжёлые шаги — всё это сливалось в единый, леденящий душу гул.

— Никого, — наконец раздался голос Лораны из темноты.

Дамир подхватил Трианну на руки. В тот же миг в окне появились руки фрейлины — ловкие, сильные. Она втянула принцессу внутрь с поразительной лёгкостью.

Узкий коридор для слуг освещали редкие факелы. Их тусклый свет едва пробивался сквозь тьму, позволяя разглядеть лишь неровный пол под ногами. Здесь не было ни роскошных украшений, ни лишних предметов — только голые стены и строгий порядок, созданный для быстрой и незаметной работы прислуги.

Следом за Трианной в окно пролезла Жалетта, а затем и Дамир. Едва его ноги коснулись пола, вся их небольшая группа снова бросилась вперёд.

Бежать становилось всё труднее. Каждый вдох превращался в хрип, каждый шаг отдавался болью в измученных мышцах. Мимо пронеслись три девушки в одежде прислуги — их лица были искажены страхом, глаза широко раскрыты.

Жалетта вновь схватила Трианну за руку, подтягивая ближе.

И тут за спиной раздался громкий выкрик — грубый,

незнакомый язык, от которого кровь стыла в жилах. Дамир резко остановился. В его глазах мелькнуло что-то жёсткое, решительное.

— Уходите. Я задержу их, — произнёс он, и в голосе его не было ни тени сомнения.

— Нет! Дамир! — крик Трианны разорвал гнетущую тишину коридора, но Жалетта и Лорана лишь усилили хватку, увлекая её дальше.

— Вы ему ничем не поможете! Лишь сами погибнете! — прозвучало резко, почти яростно. Трианна не разобрала, кто из фрейлин это произнёс — голос потонул в шуме их торопливых шагов.

Дамир исчез за поворотом, а они продолжали свой безумный бег сквозь лабиринт тёмных переходов. В какой-то миг нога Трианны подвернулась, но фрейлины не дали ей упасть — резкий рывок заставил её снова рвануться вперёд.

До кухни оставалось совсем немного, когда впереди возникли неясные тени. Затем — крик мужчины, пронзительный девичий визг...

Женщины замерли. Жалетта и Лорана переглянулись — в их взглядах читались и страх, и горькое осознание: путь перекрыт. Голоса приближались, становились всё отчётливее.

Лорана выругалась сквозь зубы и толкнула Жалетту и Трианну в первую попавшуюся открытую дверь.

Они оказались в просторной комнате, пропитанной влажным паром. Прачечная. Вокруг — корзины с бельём, мас-

сивные ванны с водой, столики, тазики, ведра, громоздкие шкафы.

— Прячьтесь, а я попробую их увести, — выдохнула Жалетта. Её глаза были широко распахнуты, в них плескался неподдельный страх.

Лорана молча кивнула, схватила Трианну за руку и потащила к одному из шкафов. Едва они приблизились, фрейлина принялась лихорадочно освобождать его: вещи полетели на пол, словно ненужные обрывки прошлого.

— Нет... я не... — попыталась возразить Трианна, но её слова утонули в торопливом шёпоте Лораны:

— Тише!

Не обращая внимания на сопротивление, фрейлина затолкала принцессу внутрь опустевшего шкафа. Трианна хотела встать, вырваться, но Лорана уже наваливала сверху груды вещей — ткани, полотенца, корзины. Всё это давило, душило, мешало дышать.

— Что бы ни случилось — молчите. Они не должны вас найти, — прошептала Лорана, и её губы дрожали. Затем она закрыла дверцы, оставив Трианну в кромешной тьме.

Принцесса замерла. Сердце колотилось так бешено, что, казалось, его стук разносится по всей прачечной. Дыхание вырывалось короткими, судорожными всхлипами. Она попыталась отодвинуть наваленные вещи, но они лишь плотнее прижимались к ней, словно пытаясь поглотить целиком.

И в этот миг она услышала, как дверь в прачечную со

скрипом отворилась.

Трианна сжалась в комок. Всё её существо словно онемело от ужаса. Она перестала дышать, перестала чувствовать, перестала быть собой — осталась лишь тишина, тьма и шаги, приближающиеся всё ближе.

— Хэй, Галите, шавэ тра притамен! — донёлся едва различимый мужской голос, приправленный самодовольным смехом.

— Нанимэ тэ оран, — подхватил второй, словно бросая реплику в странном, зловещем диалоге.

— Траш! Никэ тррак торам! — рявкнул третий, и в его тоне сквозила неприкрытая ярость.

— Грос, медле шавэ троин гнек. Ту из вараван фен? — продолжил первый, и в голосе его звучала холодная, расчётливая насмешка.

Трианна замерла, едва осмеливаясь дышать. Она вслушивалась в эти чуждые, режущие слух звуки, но ни одно слово не имело для неё смысла. Язык незнакомцев был ей незнаком.

Разговор внезапно перерос в яростный спор. Мужчины кричали, рычали друг на друга, их голоса переплетались в хаотичной какофонии. Затем дверь снова скрипнула, и сквозь гвалт пробился тихий, дрожащий голос одной из фрейлин. Трианна не разобрала слов — они растворились в грубом мужском хохоте.

— Грумма та! — громко выкрикнул кто-то, и тут же раз-

дался глухой удар, сопровождаемый женским криком.

Дверцы шкафа содрогнулись, будто что-то тяжёлое врезалось в них. Трианна вздрогнула, инстинктивно прикрыв рот руками, чтобы сдержать рвущийся наружу крик. Слезы безостановочно струились по её щекам, но она уже не замечала их — всё её существо сжалось в крошечный комок ужаса.

Снова женский крик, снова мужской смех — издевательский, торжествующий.

— Нет! Пожалуйста, не надо! Нет! — наконец смогла разобрать Трианна. И в этом отчаянном вопле она узнала голос Жалетты.

Страх сковал её тело, превратил кровь в ледяной поток, а мысли — в хаотичные обрывки. За стенками её хрупкого убежища продолжали звучать кошмарные звуки: крики, довольные возгласы мужчин, их смех, глухие удары, плач, мольбы о пощаде.

Принцесса закрыла уши руками, отчаянно пытаясь заглушить этот адский хор. Но даже сквозь плотно прижатые ладони до неё доносились отголоски ужаса — будто сама тьма шептала ей: *«Ты следующая»*.

Очередной удар в шкаф заставил Трианну вздрогнуть. Гора наваленных вещей сдвинулась, дверцы приоткрылись — и перед ней разверзся клочок реальности, от которой хотелось бежать, кричать, исчезнуть.

В полумраке прачечной один из вакхалийцев повалил Лорану на пол. Её платье трещало под грубыми руками, а крики

разрывали воздух, будто ткань, которую никто не мог сшить обратно. Женщина извивалась, билась, но что могла она противопоставить этой горной массе мускулов и жестокости?

Вакхалиец шептал что-то, его ладони скользили по её обнажённой коже с отвратительной неторопливостью. Второй стоял рядом, ухмылялся, подбадривал товарища резкими, едкими фразами на своём языке — словно это была забавная игра.

И вдруг — вспышка сопротивления. Лоране удалось высвободить руку. Она размахнулась и вцепилась когтями в лицо врага, оставив на щеке кровавые борозды.

Тишина.

Затем — звериный рык. Насильник взревел, словно пробудившийся от сна хищник. В отличие от смеющегося товарища, ему это не показалось забавным. Одним резким движением он схватил Лорану за шею — хруст, короткий всхлип — и её тело обмякло.

Трианна увидела. Увидела этот миг, когда жизнь покинула глаза фрейлины. Услышала — или ей показалось? — тот жуткий, леденящий хруст позвонков.

Она вскрикнула. Дёрнулась. Груда вещей, служившая ей укрытием, рухнула, обнажив её, как сорванный цветок.

— Эмма ма тор? — раздался хриплый голос.

Чьи-то пальцы, жёсткие, как железные клещи, вцепились в её запястье и выдернули наружу. Трианна не смотрела на лицо своего мучителя — её взгляд был прикован к Лоране. К

её мёртвому, застывшему взгляду. К телу, которое ещё минуто назад дышало, боролось, *жило*.

Это не могло быть правдой. Это был кошмар — липкий, удушающий, не желающий отпустить.

Она опустилась на колени прямо на холодный пол, не в силах оторвать глаз от Лораны. Вокруг неё — чужой язык, чужие голоса, чужие желания. Вакхалийцы переговаривались, смеялись, но их слова растворялись в гуле крови, стучащей в ушах.

— Ваше высочество... — донёсся до неё дрожащий, плачущий голос.

Трианна повернула голову.

Жалетта.

Вторая фрейлина стояла на коленях. Её лицо — в кровоподтёках, платье разорвано, грудь обнажена. Один из вакхалийцев держал её за волосы, с ухмылкой наблюдая за реакцией принцессы.

— Райди? — прозвучал вопрос. Трианна не поняла, кто его задал.

Не дождавшись ответа, мужчина встряхнул её так резко, что голова мотнулась в сторону.

— Сайд! Кра райди? — третий вакхалиец схватил её за подбородок, заставляя смотреть на него.

Пелена слёз размывала его черты. Он снова что-то спросил. Она не ответила.

Его лицо исказилось.

Замах.

Удар по щеке — резкий, жгучий, от которого во рту появился металлический привкус крови.

Он снова что-то спросил.

— Я... не понимаю... — сквозь слезы выдавила из себя принцесса.

Они говорили на языке, чуждом её слуху — без сомнения, вакхалийском. На материке у каждого государства был свой родной язык, но всё больше народов переходило на общепринятый — причудливую смесь слов и оборотов, впитавшую крупички всех наречий материка. Некоторые страны презрительно именовали его «языком-паразитом», но он упорно распространялся, словно неумолимый сорняк.

— Пожалуйста, не трогайте её... — сквозь слёзы взмолилась Жалетта, её голос дрожал, тонул в гуле чужих, резких фраз.

Вакхалиец, ударивший Трианну, повторил свой вопрос — на этот раз фрейлине.

— Она принцесса... дочь короля... не... не трогайте её... — слова вырывались прерывисто, с хрипом, будто каждое стоило ей капли крови.

Похоже, мужчина наконец получил искомый ответ. Он резко бросил что-то своему товарищу — тон был властным, не терпящим возражений. Тот нахмурился, выругался сквозь зубы, но под тяжёлым взглядом старшего разжал пальцы, отпуская Трианну.

Однако свобода длилась лишь миг. В плечо принцессы тут же впились жёсткие пальцы другого вакхалийца. Он рывком поставил её на ноги и поволок к выходу, словно безвольную куклу.

— Куда вы её ведёте? Стойте! — внезапно вскрикнула Жалетта.

Её порыв стал для вакхалийца неожиданностью. Он ослабил хватку — и женщина рванулась вперёд. Всего несколько шагов...

Острый клинок вспорол воздух — и её крик оборвался хрипом. Руки метнулись к горлу, пальцы окрасились алым. Глаза широко распахнулись — в них застыло изумление, непонимание. А затем тело безвольно осело на пол.

Трианна захлебнулась криком. Она билась в руках захватчиков, вырывалась, но их хватка была железной. Её тащили прочь — прочь из прачечной, где на холодном полу остались две женщины, отдавшие жизни за её спасение.

Её привели обратно в бальный зал.

Но теперь здесь не звучали мелодии, не раздавался смех. Роскошные наряды гостей превратились в окровавленные лохмотья, а тела лежали в беспорядочной гряде, словно сложенные куклы.

Толчок в спину — и Трианна упала на колени перед тронном. Слезы катились по её лицу, но она не чувствовала их. Взгляд был прикован к полу, к пятнам крови, расплывав-

шимся, будто зловещие цветы.

— Тро ид райди, ма лэр, — прозвучало над её головой — холодно, размеренно, как приговор.

— Трианна!

Принцесса вздрогнула, обернулась.

У трона, в кольце хмурых вооружённых фигур, сидела королева. Она прижимала к груди маленького принца, словно пытаясь укрыть его от кошмара. Рядом, на коленях, стоял король — к его горлу был приставлен меч, остриё блестело в свете факелов.

— Вот и вся семья в сборе, — раздался голос над головой Трианны — спокойный, почти ленивый, но от этого ещё более жуткий.

Она обернулась.

На троне, там, где лишь мгновение назад был её отец, восседал незнакомый мужчина. Его облик безошибочно выдавал вакхалийца: чёрные волосы, длинные — почти до талии — собраны в высокий хвост, лишь несколько тонких косичек на висках свободно ниспадали. Кожа — тёмная, загорелая, на несколько оттенков темнее, чем у любого иррильца. Лицо — слегка вытянутое, с резкими, хищными чертами, от которых веяло угрозой. Тонкие губы кривились в насмешливой улыбке, а серые глаза — холодные, пронзительные — словно прощупывали душу до самых потаённых глубин.

— Аджерхан, я прошу, отпусти моих детей. Я подпишу все бумаги, сделаю всё, что ты скажешь. Только отпусти их.

Они ведь всего лишь дети! — голос короля дрожал, но в нём звучала отчаянная мольба. Он не отрывал взгляда от дочери, чьи плечи содрогались от беззвучных рыданий.

Аджерхан ухмыльнулся — ещё шире, ещё язвительнее. Медленно, с нарочитой ленью, он поднялся с трона и шаг за шагом приблизился к принцессе. Каждый его шаг эхом отдавался в сознании Трианны, заставляя её вздрагивать всем телом.

Жёсткие пальцы впились в подбородок, рывком заставив её поднять голову. Бледно-серые глаза впились в её лицо, изучая, оценивая, словно товар на рынке. Он произнёс что-то на своём языке — и вакхалийцы в зале разразились грубым хохотом.

Трианна содрогнулась, попыталась вырваться, но хватка лишь усилилась. В этот миг за её спиной раздались шаги.

— Ты не говорил, что принцесса настолько красива, — бросил Аджерхан кому-то за спиной Трианны. Затем обернулся к королю, и в его голосе зазвучала ядовитая ирония: — Позвольте представить моего союзника. Хотя о чём это я? Вы ведь и так знакомы. Верно, Гентер?

Трианна вновь вздрогнула. Хватка Аджерхана ослабла — и она смогла обернуться.

Перед ней стоял лорд Гентер Холс. Второй советник короля.

Время словно остановилось. В сознании принцессы мир раскололся на «до» и «после». Она смотрела на него — на

человека, которому доверяла, которого уважала, — и не могла поверить.

— Ты, гнусный предатель! — взорвался король. Его голос, полный ярости и боли, прорезал гул зала.

Он рванулся вперёд, пытаясь подняться, но стражи Аджерхана не дали ему и шанса. Один из них лишь слегка усилил давление меча — и по шее короля потекла тонкая струйка крови.

— Нет! — вскрикнула Трианна.

Королева, прижимая к груди маленького Аерстана, закрыла глаза, но слёзы всё равно просачивались сквозь ресницы. Мальчик, не понимая происходящего, начал тихо плакать.

— Ничего личного, Ваше Величество, — равнодушно пожал плечами Гентер, словно обсуждал погоду, а не крушение целой династии. — Просто его планы мне понравились больше.

Трианна застыла, не в силах осознать услышанное. В голове не укладывалось: этот человек — тот самый мудрый советник, чьи рассказы она слушала с замиранием сердца, тот искусный шахматист, с которым она провела не один вечер за напряжёнными партиями, тот, кому король доверял больше, чем родным братьям...

— Да, друг мой, ты получишь всё, что хотел. Не волнуйся, — бросил Аджерхан, едва повернув голову к предателю. Затем, не дожидаясь ответа, обратился к принцессе, но продолжал говорить так, будто Гентер всё ещё стоял рядом: —

А теперь ступай. Мне нужно ещё пообщаться с нашими радушными хозяевами.

Гентер склонил голову в коротком поклоне. Но прежде чем развернуться, его взгляд скользнул по Трианне, сидящей на холодном полу. На миг — всего на миг — в его глазах промелькнуло что-то похожее на жалость, на тень сожаления. Или это лишь игра теней, обман измученного сознания? Мгновение — и он уже шагнул прочь, оставляя за спиной тех, кому клялся в верности.

— Так как же зовут этот прекрасный цветок? — протянул Аджерхан, медленно обходя принцессу по кругу. Его шаги звучали как отсчёт последних мгновений её прежней жизни.

Несколько фраз на вакхалийском — и зал вновь взорвался грубым хохотом. Некоторые из воинов добавляли свои комментарии, их взгляды скользили по Трианне с откровенной, животной похотью. Она содрогнулась, чувствуя, как ледяная волна беспомощности накрывает её с головой. Никогда прежде она не ощущала себя столь беззащитной, словно она была... *добычей*.

Резкое движение — и широкая, горячая ладонь сомкнулась на её горле.

— Нет! — вскрикнула королева.

Король рванулся вперёд, но получил жестокий удар по спине, от которого рухнул обратно на колени.

Трианна молчала. Только слёзы, горячие и бессильные, катились по щекам, пока она смотрела на своего мучителя

широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

Аджерхан рывком поставил её на ноги. Его нос почти коснулся её волос — он *вдыхал* их запах, как охотник, наслаждающийся ароматом загнанного зверя. Трианна дёрнулась, когда его губы скользнули по её шее — прикосновение, от которого кожу обожгло ледяным огнём.

— Вакха эдр мэл, — прошептал он ей на ухо, и голос его звучал как змеиное шипение. Затем, уже на ирильском, добавил: — Великий король белокаменной Иррилии, знаешь ли ты один из древних законов моего народа? Он гласит, что радушный хозяин обязан делиться с дорогими гостями... женщинами.

— Убери руки от моей дочери, грязный пёс! — взревел король, но тут же получил новый удар — тяжёлый, оглушающий. Его тело обессиленно обмякло.

Вакхалиец волоком потащил принцессу к ближайшему столику, уставленному изысканными закусками для гостей. Одним резким взмахом руки он сбросил всё на пол — тарелки, бокалы, хрустальные вазы разлетелись вдребезги, наполнив зал оглушительным звоном разбитой посуды.

Трианна билась, как пойманная птица, но хватка Аджерхана была железной. Он с лёгкостью уложил её животом на столик, несмотря на отчаянные попытки вырваться. Её крики сливались с воплями королевы и пронзительным плачем маленького Аерстана — звуки отчаяния сплетались в один нескончаемый, душераздирающий хор.

Рука вакхалийца безжалостно задрала подол платья. Коленом он грубо раздвинул её ноги, лишая последней надежды на спасение. Резким движением он сорвал с неё бельё, и в тот же миг его ладонь коснулась самого сокровенного.

Трианна закричала — так громко, что, казалось, сорвала горло. Она извивалась, царапалась, даже пыталась кусаться, но всё было тщетно. Клочок её волос остался в руке мучителя, когда она в очередной раз рванулась прочь.

Слезы застилали глаза, но сквозь мутную пелену она видела, как отец, собрав последние силы, отбросил своего конвоира и рванулся к ней. Но второй охранник не дал ему добраться до дочери — острое лезвие меча вошло в тело короля и вышло из груди. Тонкая струйка крови потекла из уголка его рта, и он беззвучно рухнул на пол.

— Нет! — пронзительный крик королевы разорвал пространство. Она бросилась к мужу.

Один из вакхалийцев схватил маленького Аерстана за ворот рубахи, не давая приблизиться к рыдающей матери и мёртвому отцу.

В этот миг тело Трианны пронзила острая, ослепляющая боль. Она закричала вновь — до хрипа, до потери голоса. Ещё один резкий толчок Аджерхана — и новая волна мучительной боли накрыла её с головой.

Сознание, не выдержав этого кошмара, погасло. Трианна провалилась в спасительную тьму, где не было ни боли, ни ужаса, ни криков — только бесконечная, милосердная ти-

шина.

Глава 2

Открыв глаза, Трианна словно вынырнула из тёмной бездны — и первое, что предстало перед её затуманенным взором, был вакхалиец, неспешно натягивающий штаны. Тело пронзило острой волной боли: между ног пылало, низ живота ныл, а на шее будто до сих пор сжимались чужие пальцы, оставляя невидимый, но жгучий след. Юбка её была бесстыдно задрана, ноги разведены — словно она стала невольным участником какого-то чудовищного обряда.

С огромным трудом, преодолевая слабость, принцесса приподнялась на дрожащих локтях. Отвращение, густое и удушающее, накрыло её, словно тяжёлая волна. Она почувствовала, как по внутренней поверхности бёдер медленно стекает что-то горячее, и не смогла сдержать рвоту — её тело содрогнулось, а сознание на миг помутилось.

— Отжен рэй кин ипиньо! — раздался весёлый голос Аджерхана, и его смех, звонкий и безжалостный, разрезал тишину, словно нож.

Трианна вытерла рот тыльной стороной ладони и медленно подняла взгляд от пола. В тот же миг мир перед её глазами рухнул: земля будто разверзлась под ногами, а сердце замерло в груди. Всего в нескольких шагах от неё лежали её родители и маленький брат.

Мёртвые.

— Нет... — выдохнула она едва слышно, но уже в следующее мгновение крик, полный отчаяния и боли, вырвался из её горла: — Нет!

Ноги подкосились, отказываясь держать её, и она, теряя последние остатки сил, поползла на четвереньках к телам самых дорогих ей людей. Она падала, вновь поднималась, снова падала — и всё равно продолжала ползти, будто каждое движение могло вернуть их к жизни. Трясущимися руками она коснулась лица матери, пытаюсь уловить хоть малейшее тепло, хоть слабый признак жизни.

— Нет, мама... — шептала она, голос её дрожал, словно осенний лист на ветру. — Мама... отец? Пожалуйста, откройте глаза. Аер! Братик мой...

Она прижала к груди маленькое тельце брата, пальцы её судорожно сжимали рану на его шее, будто пытались остановить кровь, которая уже не текла. Её плач превратился в протяжный, душераздирающий вой, похожий на крик раненого зверя. Руки её были в крови — крови её близких.

Где-то вдали раздавался недовольный голос Аджерхана, но она уже не слышала его. Двое вакхалийцев схватили её за руки, один из них вырвал из её объятий тело брата.

— Нет! Аерстан! Аерстан! Мама! — кричала Трианна, пока её уводили прочь, её голос тонул в безмолвной пустоте, которая теперь навсегда стала её судьбой.

В комнате, куда её заточили, Трианна провела долгие часы

— вплоть до полудня. Она сидела на холодном полу у двери, вцепившись в неё руками, пока кожа не содралась до крови. Кричала, срывая голос, умоляла вернуть её к семье — но постепенно крики сменились беззвучными рыданиями, а затем и вовсе смолкли. К утру в ней не осталось ни сил, ни слёз, ни надежды.

Трианна осознала: она умерла. Умерла там, где лежали бездыханные тела её родных. Жизнь покинула её в тот миг, когда мир обрушился, оставив лишь пустоту и безмолвную боль.

В полдень дверь распахнулась, но принцесса даже не шевельнулась. В помещение вошли две вакхалийские женщины, неся подносы и свёртки с тряпками. За ними последовали мужчины: одни внесли деревянную ванну, другие — тяжёлые ведра с водой. Завершал эту странную процессию мрачный, коренастый мужчина со шрамом, рваной линией пересекавшим его щёку. Он застыл над Трианной, сквозь зубы прошипев что-то на своём языке. Остальные вакхалийцы, оставив груз, склонили головы и молча удалились. Женщины же, не теряя времени, принялись готовить ванну.

— Белый женщин должен мыть и есть. Великий Аджерхан ждёт Белую женщину, — с трудом выговаривая слова общепринятого языка, произнёс шрамоликий.

Трианна не шелохнулась. Её неподвижность, её молчаливый вызов взбесили вакхалийца. Он сплюнул на пол и рыкнул что-то резкое. Женщины, худощавые, но невероятно

сильные, схватили принцессу под руки и рывком поставили на ноги.

— Не прикасайтесь ко мне! — прохрипела Трианна, но её слова оборвала звонкая пощёчина.

Она тяжело задышала, подняв взгляд на стоящего перед ней мужчину. Его лицо оставалось бесстрастным, но голос вдруг зазвучал почти ласково:

— Вакхара зорум адхэ-эр.

Осторожно, едва касаясь, он убрал с её лица спутанные волосы, а затем резко бросил женщинам:

— Даргиэ!

В четыре руки с неё сорвали одежду и втолкнули в ванну. Трианна хотела было возмутиться, но слова застряли в горле — на её голову обрушился поток ледяной воды из ведра. Вакхалийки работали молча, ловко орудуя мочалками и тряпками.

После омовения её подняли, насухо вытерли большой простынёй и облачили в белые одежды. Усадив на стул, одна женщина принялась расчёсывать её длинные волосы, а другая — накрывать на стол. Перед Трианной появились тарелки с серой жидкой похлёбкой, кусок хлеба, мясная и сырная нарезка, травяной чай и сушёные фрукты на десерт.

— Белая женщина должна есть, — твёрдо произнёс вакхалиец.

Трианна подняла на него глаза. Мужчина жестом указал на еду, требуя, чтобы она начала трапезу. Не отрывая взгляда

от его лица, принцесса резко перевернула столик — еда с грохотом рассыпалась у его ног.

Одна из женщин вскрикнула, другая вжалась в стену, испуганно глядя на своего предводителя. Но на его лице вдруг расцвела кривая усмешка. Короткий рык — и женщины мгновенно исчезли из комнаты.

Мужчина одним движением отшвырнул столик в сторону, подскочил к Трианне и крепко схватил её за шею, заставляя запрокинуть голову.

— Рохаш эрд рхаашра. Хумен идр па, — прошипел он ей прямо в лицо, а затем отпустил.

Когда дверь за вакхалийцем закрылась, Трианна вновь оказалась в плену одиночества. Она сомкнула веки, словно пытаясь упрятаться в тёмной бездне собственного сознания, отгородиться от жестокой реальности. Но даже так не удалось избавиться от навязчивого ощущения — на шее всё ещё будто горели отпечатки чужих пальцев. Принцесса не замечала, как её тело содрогается в безмолвной дрожи, а по щекам бесшумно струятся слёзы, оставляя на коже холодные дорожки.

Спустя какое-то время за ней пришли. Длинноволосый вакхалиец — как, впрочем, и все его соплеменники — провёл Трианну в королевский кабинет. Только теперь это помещение принадлежало не её отцу. Теперь здесь хозяйничал Аджерхан. Он стоял у стола, погружённый в чтение каких-то бумаг, и от этого зрелища в душе принцессы вспых-

нула ослепительная, всепоглощающая ярость. Как он смеет осквернять своим присутствием святилище её отца?! Перед внутренним взором вновь возникла жуткая картина: безжизненные тела родителей и маленького брата, утопающие в луже крови.

— А вот и моя дорогая принцесса, — Аджерхан повернул голову, и на его лице расцвела ухмылка. — Женщина, что ты там застыла? Проходи, садись. Государственные дела, знаешь ли, изрядно утомляют. Мне нужно передохнуть, расслабиться. А мы ведь так чудесно провели время вчера, не правда ли?

Сердце Трианны забилося с бешеной силой, словно пыталось вырваться из грудной клетки. Дыхание стало прерывистым, а перед глазами на миг сгустилась чёрная пелена. Паника ледяными щупальцами оплела сознание. Ей не нужно было гадать, на что намекал этот отвратительный человек. Чувства беспомощности, омерзения и глухой боли по-прежнему терзали её душу.

Аджерхан отложил бумаги и неспешно направился к небольшому дивану. Усевшись, он принялся разглядывать принцессу — медленно, пристально, с нескрываемым удовлетворением. Его губы изогнулись в самодовольной улыбке. Протянув руку, он взял с блюда нож и яблоко, начал аккуратно снимать с него кожуру. Это простое действие отчего-то завораживало. Трианна поймала себя на том, что не может оторвать взгляда от его длинных пальцев и мерцания

острого лезвия. Как же ей хотелось, чтобы этот нож вонзился в горло вакхалийского изверга!

— Я знаю, что ваши традиции запрещают женщинам делить ложе с мужчинами до свадьбы, — рассмеялся Аджерхан, даже не подозревая, какие мысли бушуют в голове принцессы. — Да видит великий Адах, какие нелепые законы! Но ничего, старого короля больше нет — теперь будут новые законы. Законы Адаха. — Он сделал широкий жест рукой, очевидно, воздавая хвалу своему божеству. — Так о чём это я? Ах да. Жениться на тебе, увы, я не могу. У меня уже есть жена. Сварливая, надоедливая особа, но что она вытворяет в постели... ммм... Правда, сейчас на неё без слёз не взглянешь. Беременность превратила её в толстую, неуклюжую корову. Надеюсь, ей хватит ума родить мне сына. Хватит с меня дочерей. — С раздражением он швырнул на стол очищенную кожуру. — А пока он зреет в чреве матери, я завоёвываю для него земли. Разве это не достойно похвалы? Стремление родителя создать лучший мир для своего дитя?

Аджерхан закончил чистить яблоко, но так и не откусил ни кусочка. Отложив фрукт и нож, он вновь устремил взгляд на Трианну. Откинувшись на спинку дивана, он заложил руки за голову.

— Но, как я уже говорил, дело это хлопотное, и порой требуется разрядка, — продолжил он. — А поскольку моя жена осталась дома, а все любовницы — в лагере, их место займешь ты. Для такой маленькой шлюшки это даже честь

— разделить постель с новым королём. — Он похлопал по дивану рядом с собой. — Иди сюда.

Кровавая пелена застлала взор Трианны. В груди вскипела такая неистовая ярость, что из горла вырвался звериный рык. Она рванулась вперёд, схватила нож — тот самый, которым Аджерхан чистил яблоко.

— Сдохни! — выдохнула она сорванным голосом, заноса руку для удара.

Но едва лезвие блеснуло в воздухе, её запястье с железной хваткой перехватили, вывернули — нож со звоном упал на пол. Не раздумывая, Трианна замахнулась свободной рукой, однако и её тут же скрутили. Аджерхан с нечеловеческой силой швырнул принцессу на пол. Она рухнула прямо на небольшой столик, где стояла ваза с фруктами; дерево треснуло под её телом, а плоды разлетелись по каменному полу.

— Идр па! — прошипел мужчина, и тяжёлый ботинок врезался в её живот.

Воздух вырвался из груди со стоном; Трианна скорчилась, задыхаясь от боли. Но Аджерхан не дал ей передышки: схватил за волосы, рванул вверх, заставляя поднять голову.

— Чоксо не объяснил тебе, как нужно себя вести, тварь? Следующий удар пришёлся в лицо. Щёку опалило огнём, а из разбитого носа хлынула кровь, заливая бледную кожу и белоснежное одеяние, выданное вакхалийками.

— Будь ты проклят, вакхалийский ублюдок! Пусть твой

сын сдохнет в чреве твоей жены и... — Она не успела закончить: новый удар оборвал слова, оставив лишь хрип в разодранном горле.

Аджерхан резко отступил, затем и вовсе отошёл в сторону, бормоча ругательства на своём языке. Трианна корчилась на полу, сквозь пелену боли различая лишь начищенные до зеркального блеска сапоги перед собой.

В дверь коротко постучали — и тут же распахнули.

— Что здесь... Впрочем, не важно, — раздался голос Гентера Холса. Трианна узнала его мгновенно. — Мой король, наш гость готов поговорить с вами.

— Веди, — коротко бросил Аджерхан.

— А что с девчонкой? Мне увести её?

— Нет. Пусть будет примером того, что его может ждать, если мы не договоримся.

— Как прикажете.

Гентер вышел.

Собрав остатки воли, Трианна осторожно приподнялась. Бок пронзила острая вспышка боли; живот горел, словно его прожгли раскалённым железом; перед глазами кружились мутные пятна. Трясущейся рукой она смахнула кровь, стекающую по губам и подбородку, — та уже пропитала белую ткань, превратив её в жуткую пародию на траурное одеяние.

Двери кабинета вновь распахнулись. На пороге возник Дамир Сойрэн.

Сердце Трианны встрепенулось, забилося чаще, словно

пытаясь вырваться из грудной клетки. Она гнала от себя страшные мысли о нём, боялась, что потеряла его так же, как всю свою семью. Но вот он — перед ней. Хотя и бледный, хотя и с наливающимся синяком на скуле, но живой. Его медные волосы были взлохмачены, а одежда — та же, что и вчера, — помята и в пятнах.

— Дамир, — прошептала она, но голос, сорванный и тихий, утонул в пространстве.

Не осознавая, она протянула к нему руку. Он здесь. Он жив. Значит, всё будет хорошо. Он спасёт её. Ведь он говорил, что она ему не безразлична. Король Сойрэн не оставит сына в беде. А Дамир... Дамир не бросит её.

Слёзы подступили к глазам, обжигая веки. Скоро этот кошмар закончится. Обязательно закончится.

Принц наконец взглянул в её сторону. В его глазах мелькнули удивление и жалость. А затем... он просто отвернулся.

«Может, он не узнал меня? — метнулась отчаянная мысль. — Я сама на себя не похожа: вся в крови, взлохмаченная, на полу...»

Да, точно. Он просто не узнал.

— Рад, что вы согласились на разговор, ваше высочество, — Аджерхан занял место за столом короля. — Прошу, садитесь. А на девицу не обращайтесь внимания. Просто кое-что объяснял ей.

Трианна замерла в ожидании. Вот сейчас Дамир что-то скажет. Хоть слово. Хоть взгляд. Хоть знак, что он видит её,

что помнит, что поможет...

Но принц молча опустился в кресло для посетителей. Ни взгляда. Ни слова.

— Итак, — вновь заговорил Аджерхан, — вы подумали над моим предложением? Вы сами должны понимать: Иррилия и её король пали. Теперь это территория Новой Вакхалии. Моя территория. И в интересах Сорина принять мою дружбу. Или следующей падёт она.

В чём-то вакхалиец был прав. Армия Иррилии превосходила соринскую — и всё же не спасла королевство от гибели. Возможно, если бы лорд Зиретек был здесь... если бы он успел вернуться с войсками...

И тут Трианну пронзила леденящая догадка.

А случайно ли вспыхнул конфликт на побережье? Мог ли кто-то намеренно спровоцировать его — чтобы выманить главнокомандующего и большую часть армии из столицы как раз к моменту нападения вакхалийцев? Впрочем, что гадать. Тут и так все ясно. Наверняка, это дело рук предателя Холса.

Вакхалия — суровый край, что граничит с Иррилией на северо-западе. Десять лет назад, когда последний вождь степняков отошёл в мир иной, его народ раскололся, словно камень под ударом молота. Два сына почившего правителя возглавили враждующие станы.

Старший, Грешадхал, избрал путь мира. Под его рукой кочевники прекратили набеги на соседние земли, развернули торговлю с Фринстаном и Альдором. Каждый его шаг был

направлен на то, чтобы народ обрёл покой и процветание — не через кровь, а через труд и взаимную выгоду.

Младший же, Аджерхан, жил жаждой крови и ненасытной алчностью. Он не щадил ни брата, ни соседей: его отряды грабили земли, жгли селения, а главным источником богатства стала работорговля. Его имя стало синонимом страха, а его воля — бичом для всех, кто жил по соседству.

Всё это Трианна знала из донесений отцовских разведчиков. Тогда эти вести казались лишь досадными помехами — тревожными, но далёкими. Никто во дворце не мог и помыслить, что однажды эта буря докатится до их ворот и сокрушит королевство.

Принцесса вновь метнула взгляд на Дамира — взгляд, сотканный из последней надежды. Принц слушал угрозы Аджерхана с сосредоточенным вниманием. Было видно, как тяжело ему приходилось. Пока наконец Дамир не склонил голову. Трианна заметила, как его пальцы судорожно сжались в кулаки — будто он боролся с невидимой силой, рвущейся наружу. Но принц справился. Когда он вновь поднял взгляд, лицо его было бесстрастно, словно высечено из камня.

— Я понимаю это и от лица соринского короля принимаю вашу дружбу. Я отправлю письмо отцу сегодня же, — произнёс он твёрдо, без тени сомнения.

— Что? Дамир, нет! — вырвалось у Трианны, но вместо голоса — лишь хриплый шёпот, будто кто-то вырвал из её груди дыхание.

Молодой мужчина посмотрел на неё. Принцесса вглядывалась в его лицо, не веря, что это правда. Ещё одно предательство — и её душа, истерзанная, израненная, не выдержит.

— Ах да, ваше высочество, прошу прощения, но я вас опередил и опробовал вашу невесту. Надеюсь, вы не в обиде? — с самодовольной усмешкой бросил Аджерхан.

Дамир не отвёл взгляда. Его глаза встретились с её глазами — ярко-синими, полными слёз и отчаянной надежды. Но надежды этой никто не собирался дарить.

Принц снова отвернулся.

И Трианна почувствовала, как мир рушится. Как земля уходит из-под ног. Как последняя ниточка, что могла её спасти, рвётся с тихим, безжалостным треском.

— Впрочем, сегодня у меня хорошее настроение, — вдруг произнёс Аджерхан, и в его голосе зазвучала игривая насмешка. — Если вам уж так дорога ваша невеста, я могу отдать её. Скажем... за сто золотых. Согласны?

Сто золотых для королевского сына — сущая мелочь, едва заметная тень на весах власти. В душе Трианны вновь затеплился огонёк надежды. Пусть после всего, что случилось, она уже не сможет стать его женой — но Дамир... он ведь благородный, честный, не из тех, кто бросает беззащитных в беду.

— Нет. Девчонка нужна была мне лишь как ступенька к трону Иррилии. Теперь королевство ваше, — произнёс

принц спокойно, без тени сомнения.

Эти слова отозвались в Аджерхане звонким смехом. Он разразился потоком фраз на родном языке, и в каждом звуке сквозила торжество. Дамир ответил ему лёгкой, почти незаметной улыбкой — холодной, выверенной.

А Трианна... у неё больше не осталось сил даже на отчаяние. Взгляд её скользнул по полу — и наткнулся на нож, выбитый из рук. Мгновение — и она, улучив секунду, когда мужчины отвернулись, метнулась к нему. Лезвие скользнуло в складки белого одеяния, спряталось, словно живое, прижатое к бедру.

Аджерхан, извинившись перед принцем, хлопнул в ладоши. В кабинет вошёл тот самый вакхалиец, что приводил служанок для её умывания и трапезы. Поклонившись, он замер, внимая приказам господина. Короткая фраза — и он уже шагает к Трианне, хватая её за локоть, ведёт прочь.

Когда двери кабинета растворились позади, вакхалиец резко остановился. Руки его впились в плечи принцессы, развернули её лицом к себе. Трианна едва сдержала стон — каждое прикосновение отзывалось острой болью в избитом теле.

— Не зли зверя, глупый женщина, — прошипел он на ломаном иррильском, и в его глазах мелькнул холодный, беспощадный блеск.

Они двинулись дальше. К облегчению Трианны, её привели в ту же комнату, где она провела утро. Слуги уже успели

навести порядок: ни следа разбросанной еды, ни осколков разбитой посуды. Всё выглядело так, будто ничего и не было.

Принцесса медленно прошла на середину комнаты. Взгляд её был пустым, рассеянным, словно она смотрела сквозь стены. А в руке — крепко, до белизны в пальцах — она сжимала украденный нож.

Мысли потекли назад, в прошлое. Вчерашний день. Её день рождения. День, когда она потеряла всё: семью, дом, королевство. Жгучие слёзы подступили к глазам, но она не позволила им пролиться.

Подняв нож обеими руками, она направила остриё к горлу. Зачем жить? Близкие мертвы, возлюбленный предал, трон отнят. Один нажим — и боль прекратится. Один миг — и тьма поглотит её.

Она закрыла глаза, сжала рукоять... и опустила руки.

Нож глухо стукнулся о пол у босых ног.

Нет.

Она не может. Не имеет права.

Она обязана выжить — ради отца, матери, брата. Ради всех, кто пал вчера. Она должна увидеть, как вакхалийский ублюдок испустит последний вздох.

«Простите, папа и мама, и ты, мой милый братик. Мне придётся задержаться, но я обещаю: ваша смерть будет отомщена».

— Вы слышите меня, боги? — её голос, твёрдый и ясный, разорвал тишину комнаты. — Я клянусь: все, кто причастен

к гибели моей семьи, получают по заслугам!

В тот же миг за окном грянул гром. Молния, яркая, как клинок, рассекла небо. И в тот же миг предплечье Трианны обожгло жаром.

— *Говорят, что первая княгиня Ритман была родом не из Ленов. Откуда она пришла, никто не знал. Но именно она принесла в княжество веру в богиню Ассену. Ассена всегда следит за нами. Она слышит каждое наше слово. И когда человеку нужна будет помощь, она подарит ему силу... но цена за это будет высока...*

Воспоминание вспыхнуло в сознании — детское, тёплое, почти забытое. Королева Эренсия, укладывая детей спать, всегда рассказывала им истории родного княжества. И сейчас, глядя на причудливый узор, проступивший на коже, Трианна вспомнила именно эту сказку.

Неужели это правда? Неужели боги услышали её? А может это магия?

Но существует ли она на самом деле?

И верно ли называть это магией — или же стоит искать иные слова? Может, это не колдовство, а промысел Божий? Или, напротив, тёмное веяние демонов, шепчущих из бездны?

Ей нет дела до разгадок.

Она дала клятву.

Клятву, которую засвидетельствовали силы, чьи имена не смеют произносить вслух. Клятву, что крепче стали и глубже

океана. Отступить — значит предать саму суть своего бытия, разорвать нить, соединяющую её с судьбой.

Она выживет.

Выживет, даже если мир обратится в пепел, если звёзды падут с небес, если время станет зыбким, как туман. Она пройдёт сквозь огонь, сквозь тьму, сквозь ледяные ветры забвения.

И не важно, сколько лет, лун, веков потребуется.

Трианна дождётся.

Дождётся того часа, когда Аджерхан, гордый и непобедимый, начнёт падать — медленно, мучительно, неотвратимо. Когда его империя из золота и лжи рассыплется в прах. Когда каждый камень, воздвигнутый его руками, обратится против него. Когда всё, что он любил, чем дорожил, к чему стремился, — всё это будет отнято, разбито, обращено в ничто.

Она увидит.

Увидит, как гаснет его свет. Как меркнет его слава. Как последний вздох вырывается из его груди — и с ним уходит всё, что когда-то делало его могущественным.

Клятва дана.

А значит — так и будет.

Когда женщины вместе с тем самым вакхалийцем вновь переступили порог комнаты, Трианна уже успела привести себя в некое подобие порядка. Она умылась и поела. Длин-

ные волосы, прежде спутанные и грязные, теперь были тщательно расчёсаны, заплетены в тугую косу и перехвачены лентой — безжалостно оторванной от подола платья. Впрочем, оно всё равно было безвозвратно испорчено: багровые пятна крови навсегда впечатались в белую ткань, превратив её в немой свидетель сегодняшних мук.

Вакхалиец окинул взглядом пустые тарелки и что-то добродушно пробурчал — похоже, остался доволен. Выдав новую, чистую одежду, забрав грязную посуду и испачканную одежду, женщины молча удалились. За ними вышел и он.

Но едва минуло полчаса, двери вновь распахнулись. Трианна невольно сжалась, вся обратившись в слух и страх. *Ад-жерхан...* Мысль обожгла, как раскалённое железо. Неужели пришёл за обещанным «развлечением»?

Однако на пороге стоял не он.

— Добрый вечер, принцесса. Или как к вам теперь обращаться? — Гентер Холс усмехнулся, и в его голосе сквозила едкая, почти игривая насмешка.

Он вошёл, неспешно оглядел комнату, будто оценивая её убранство, а затем его взгляд — цепкий, изучающий — остановился на лице Трианны. Она знала, что выглядит ужасно: нос слегка опух, на левой щеке наливался синяк, губы были разбиты. А ещё — правый бок горел огнём, и каждый вдох отдавался тупой, ноющей болью. *Ребра... наверняка сломаны.*

— М-да, — протянул Холс, наконец нарушив молчание.

Он прошёл через комнату и без приглашения опустился на край кровати рядом с ней.

Его близость — да и само присутствие в этой комнате — заставляли нервы натягиваться, как струны. Трианна попыталась отстраниться, но крепкая мужская рука схватила её за плечо, не позволяя сдвинуться. Она сдавленно охнула, когда пальцы сжались чуть сильнее. А в следующий миг почувствовала горячее, влажное дыхание на своей шее.

— Ну, каково это — быть шлюхой Аджерхана? — прошептал он, и в его тоне сквозила отвратительная, почти сладострастная жадность.

Тошнота подкатила к горлу. Трианна вцепилась в его руку, пытаясь сбросить её, вырваться, встать. Но одно резкое движение — и она уже лежала на спине, а Холс навис сверху, железной хваткой сжимая её запястья над головой.

— Не нужно нервничать, принцесса, — его губы растянулись в гадкой улыбке. — Я всего лишь озвучу то, что тебя ждёт.

Освободив одну руку, он провёл пальцами по её щеке. Трианна резко дернула головой, клянула зубами, пытаясь вцепиться в эту наглую ладонь. Холс успел отдёргнуть её, но тут же с силой сжал подбородок принцессы.

— Не делай резких движений, девочка, — прошипел он. — Прими как данность: ты теперь — никто. Этот вакхалиец будет трахать тебя, когда захочет и где захочет. А когда ты ему надоешь, отдаст своим псам — и уже они будут раз-

влекаться. И никто тебе не поможет. Кроме меня. Согласись стать моей — и никто больше не посмеет коснуться тебя.

Влажные губы коснулись её уха. Трианна сжала зубы, сдерживая рвотный позыв.

— Стать твоей? В качестве кого? — её голос звучал глухо, но в нём ещё теплилась искра гордости.

— Кого захочешь: возлюбленной, фавориткой, подругой. Прости, милая, но на роль жены ты больше не подходишь. Завтра тебя отправят в Хатаак — крепость Аджерхана Ашура в Вакхалии. Там ты будешь обслуживать всех, на кого он укажет. Ты ведь этого не хочешь?

Ирония судьбы — в третий раз за этот проклятый день ей повторяют одну и ту же фразу: *«Ты не подходишь на роль жены»*. Горькой, ржавой волной поднялся в груди смех — не весёлый, не лёгкий, а тот, что рождается на краю безумия.

Холс отпрянул, изумлённо вглядываясь в лицо девушки, смеющейся под ним. В его глазах читалось недоумение — словно он не мог поверить, что в этой униженной, измученной принцессе ещё теплится огонь.

— Неужели ты всерьёз думаешь, что я соглашусь спать с тобой? — её голос, хриплый и надтреснутый, звучал с ледяной ясностью. — Да лучше отдаться вакхалийским дикарям, чем лечь под трусливого предателя.

И она плюнула ему в лицо.

В глазах Холса вспыхнула ярость — настоящая, звериная, без прикрас. А Трианна вдруг с изумлением осознала: он

действительно верил, что она упадёт перед ним на колени, рассыпаясь в благодарностях.

Жёсткие пальцы сомкнулись на её горле. Трианна захрипела, пальцы инстинктивно вцепились в его запястье, но силы были неравны.

— Неблагодарная тварь, — прошипел он, сжимая пальцы ещё сильнее, и припал к её губам в грубом, почти жестоком поцелуе.

Отвращение поднялось в ней волной, едва не вырвавшись наружу. Собрав последние крохи воли, Трианна резко дёрнула головой — и зубы её вонзились в его губу. Во рту появился металлический привкус крови.

Холс вскрикнул, отшатнулся, вскочил на ноги. Трианна перекатилась на бок, хватая ртом воздух, кашляя, растирая саднящее горло. *Доживёт ли она сегодня до вечера?*

Он занёс руку для удара — но тот так и не последовал.

Двери с грохотом распахнулись, впуская в комнату разъярённого вакхалийца. Мгновенно оценив обстановку, он подскочил к советнику и с силой отшвырнул его в противоположный конец комнаты. Холс ударился спиной о стену, со стоном осел на пол.

Знакомый Трианне вакхалиец быстро окинул её взглядом. Нахмурился, заметив, как она растирает шею, как прерывисто дышит.

— Никто не смеет трогать женщин Аджерхана, — произнёс он, обернувшись к Холсу. Голос звучал ровно, но в нём

сквозила недвусмысленная угроза.

Холс вдруг рассмеялся — нервный, дрожащий смех. Поднялся на ноги, поднял руки в примирительном жесте. Бросил на Трианну взгляд, полный холодного обещания возмездия, и вышел. Вакхалиец последовал за ним.

— Постой! — прохрипела девушка.

Она села, опустив руки на колени, нервно теребя край юбки, задранной до колен. Вакхалиец обернулся, вопросительно глядя на неё.

— Как твоё имя? — вопрос вырвался неожиданно, и сама Трианна удивилась собственной смелости. Пospешно добавила: — Прости, я не должна была этого спрашивать.

Смушение накрыло её волной. *Что это было?* Откуда вдруг это желание узнать имя человека, принадлежащего к народу, уничтожившему её королевство?

— Чоксо, — коротко ответил он.

Трианна вздрогнула, но взгляда не подняла.

— Спасибо, Чоксо, — едва слышно прошептала она.

А на следующее утро Трианну и ещё шестерых девушек погрузили на телегу. В сопровождении отряда воинов они двинулись в сторону Вакхалии.

Единственным знакомым лицом среди них был Чоксо.

Девушек принцесса видела впервые. Они молчали, съевшись, пряча глаза. Трианна никогда не призналась бы даже себе, что присутствие Чоксо дарило ей странное, почти необъяснимое чувство спокойствия. *Может, он защитит*

её? Ведь он уже однажды встал на её защиту — против Холса.

Другие воины бросали на пленниц похотливые взгляды, но подходить не решались. Они перешёптывались, смеялись, время от времени опасливо поглядывая на Чоксо.

С тихим, протяжным скрипом телега тронулась в путь.

Трианна смотрела, как удаляется её родной город. Сердце сжималось от боли — острой, как лезвие, но слёз уже не было. Душа её словно окаменела, оставив лишь одно чувство — жгучую, неумолимую боль.

«Я вернусь. Я обязательно вернусь...»

Глава 3

Четыре дня пути — четыре долгих дня, в течение которых караван неспешно продвигался к границе Вакхалии. С каждым новым рассветом Трианна всё отчётливее видела, как глубоко пустили корни наездники в ирилльской земле.

Они были повсюду.

В городах и сёлах, где прежде кипела жизнь, теперь царила чужая воля. На лугах, где когда-то мирно паслись стада коров и овец, теперь колыхались бескрайние табуны вакхалийских коней — словно живая волна, поглощающая привычный пейзаж.

Но это были не просто воины. Они пришли семьями — с жёнами, детьми, домашним скарбом. В нескольких деревнях Трианна замечала, как вакхалийские ребятишки играют с ирилльскими, смеются, возятся в пыли... пока из дома не выходила вакхалийка — и одним резким окриком не прогоняла местных детей прочь.

Они стали рабами в собственных домах.

Эта мысль жгла изнутри. Трианна понимала: за один день так глубоко проникнуть в страну невозможно. Их должны были заметить ещё на границе, доложить королю. Но этого не случилось.

Принцесса прокручивала в голове череду событий, словно перебирала хрупкие нити разорванного гобелена. Посте-

пенно сквозь хаос обрывков проступала зловещая закономерность.

Сколько уже месяцев — а может, и лет — королю исправно докладывали лишь о тревогах на побережье. Бунты рыбаков, набеги пиратов, перебои с поставками соли... Но стоило речи зайти о делах в глубине королевства — всё неизменно сводилось к одной и той же, до боли знакомой фразе: «Всё хорошо».

Её пронзила ледяная догадка. Конфликты на побережье не были случайностью. Их *поджигали*, как сигнальные огни, чтобы ослепить двор, отвлечь внимание от подлинной угрозы. Пока все взирали на пылающий горизонт, кто-то методично подтачивал корни королевства.

Горький привкус правды обжёг нёбо. Гентер Холс, пусть и второй по значимости советник, не мог повернуть это в одиночку. Его воля — лишь остриё копья. А рукоять... рукоять держали другие.

Значит, гниль проникла глубже, чем она смела предположить. Она уже в сердце королевства.

Мерзкие предатели...

Вакхалия разительно отличалась от Ириллии — страны лесов и живописных портов. Здесь простиралась бескрайняя степь, словно океан травы, колышущийся под ветром. Жители этих земель — коренастые, не слишком высокие, с смуглой кожей и тёмными волосами, заплетёнными в множество тонких косичек. У них не было больших городов — толь-

ко временные стоянки, перемещающиеся вслед за стадами. Их жизнь была неразрывно связана с лошадьми: вакхалийцы слыли лучшими наездниками в мире, их мастерство управления скакунами восхваляли во всех соседних королевствах.

До границы Вакхалии оставалось всего несколько часов — и в этот миг судьба вновь взмахнула своим острым клинком, прекращая жизнь Трианны.

Отряд остановился на берегу тихой реки. Двое охранников отправились на охоту, трое — включая Чоксо — принялись обустраивать лагерь. Оставшиеся воины отвели девушек к воде: пусть умоют лица, освежатся перед последним броском.

Мужчины уселись неподалёку, негромко переговариваясь, зорко следя за подопечными. Кто-то из девушек примостился на берегу, кто-то осторожно вошёл в прохладную воду. Трианна держалась особняком. Она так и не сблизилась ни с одной из них.

Остальные быстро нашли общий язык — горе, словно невидимый клей, сцепило их воедино. Но с принцессой никто не стремился заговаривать. Да и она не искала собеседников: молчала, замкнувшись в коконе собственной боли.

Девушки сторонились её, будто чуяли незримую грань — ту самую, что отделяла Трианну от них. «Эта — иная, — шептало их подсознание. — Сделана из другого теста». Из теста, замешанного на дворцовых церемониях, на шепоте шёлковых платьев, на взгляде, приученном скрывать истин-

ные чувства.

Принцесса медленно обвела взглядом поляну. На миг прикрыла глаза, вдыхая свежесть утра. Лес дышал покоем: мягкий шелест листвы, журчание ручья, тёплый солнечный свет, пробивающийся сквозь кроны. Казалось, сама природа шептала: «Вот он, миг тишины. Лови его, впитывай, храни в сердце».

Но тишина — хрупкая гостья. Она не задерживается надолго.

Стрелы обрушились внезапно — бесшумные, стремительные, словно тени смерти. Ни крика, ни предупреждения — только глухой стук оперённых жала, впивающихся в плоть.

Несколько вакхалийцев рухнули замертво, даже не успев понять, что жизнь уже покинула их.

Вскрик девушек разорвал лесной покой. Они бросились прочь от реки — кто-то спотыкался, кто-то падал, но страх гнал их вперёд, прочь от этого места, где только что царила иллюзия безопасности.

Темноволосая невысокая девушка, бежавшая впереди, вдруг споткнулась — стрела вонзилась в спину. Она упала прямо перед Трианной.

Вакхалийцы выхватили оружие, но что толку против невидимых лучников, засевших в засаде? Стрелы свистели над головами, рассекали воздух, искали жертвы.

Трианна, сжавшись, рванулась к телеге. Вакхалийцы опрокинули её, укрылись за ней, как за щитом. Трое воинов

и пятеро девушек замерли в этом ненадёжном убежище, бес-
сильные противостоять невидимому врагу.

Из леса выбежали охотники — и тут же пали, пронзённые
стрелами. Визг девушек взлетел до небес, пока рык Чоксо не
заставил их замолчать.

Трианна видела, как ходят желваки на его лице. Он был
напряжён, взбешён, но сохранял хладнокровие.

И тут её взгляд упал на лук и пару стрел — всего в паре
шагов. Она вспомнила: в отличие от остальных вакхалийцев,
вооружённых кинжалами, топорами и изогнутыми мечами,
Чоксо всегда носил за спиной лук.

Поток стрел ослабел. Враги, видимо, поняли: из-за телеги
их жертв не достать. Пора менять тактику.

Глубокий вдох — и Трианна решилась на безумие.

Резким рывком она выскочила из укрытия, метнулась к
оружию. Возле уха просвистела стрела — девушка рухнула
на землю, прижавшись животом к траве. В спину полетели
проклятия.

Схватив лук и стрелы, она развернулась прямо на жи-
воте, поползла обратно. Когда до укрытия оставалось со-
всем немного, сильная рука схватила её за шиворот, втащи-
ла внутрь.

Перед глазами — искажённое злобой лицо Чоксо.
— *Карри эгр!* — прошипел он.

Трианна молча протянула ему лук и стрелы. Вакхалиец
удивлённо взглянул на оружие, но тут же сжал его в руках,

оттолкнул девушку за спину.

Обстрел стих. Чоксо осторожно выглянул, резко встал, послал стрелу — и тут же присел. Послышался вскрик, ругательства.

Враги приближались.

Чоксо взял ещё одну стрелу — ещё одна цель поражена. Судя по крику, противник уже совсем рядом.

Что-то коротко бросив товарищам, Чоксо дождался их кивков. Воины крепче сжали мечи. С воинственным кличем они бросились в атаку.

Девушка с рыжими волосами, сидевшая впереди Трианны, встала, чтобы разглядеть происходящее — и тут же упала со стрелой в шее. Прямо под ноги принцессе.

Крики, хрипы, стоны — и перед внутренним взором Трианны вспыхнула другая картина: мёртвые глаза женщин, пытавшихся её спасти, крик матери над телом отца...

— Да чего же ты?! Дура, бежать надо! — кто-то толкнул её в плечо.

Очнувшись, Трианна обернулась. Мариам — кажется, её так звали — схватила принцессу за руку, рванула к лесу.

Одна девушка осталась сидеть, закрыв уши руками. Остальные бросились за ними.

Добежав до деревьев, одна из них вскрикнула — стрела торчала из спины.

Их осталось трое.

Они неслись сквозь заросли, не оглядываясь, пытаясь за-

теряться в зелёной пелене. Но далеко уйти не удалось.

Дорога внезапно оказалась перекрыта.

Двое мужчин в рваной одежде, грязные, провонявшие потом и гнилью, ухмыльнулись, обнажив жёлтые, полусгнившие зубы.

Хватка Мариам стала крепче. Девушки замерли, глядя на незнакомцев с ужасом.

Один из мужчин схватил Мариам за вторую руку. Девушка закричала, рванулась. Трианна потянула её к себе — но тут же была схвачена за талию вторым.

Отпустив Мариам, Трианна завизжала, забилась в чужой хватке. Третья девушка — длинноволосая блондинка — бросилась на помощь. Она вцепилась в лицо мужчины, царапала, била.

Тот вскрикнул, отпустил Мариам. Девушка рухнула на землю.

Разъярённый мужчина выхватил кинжал — и вонзил его в живот нападавшей.

Она отступила на пару шагов, ошарашенно глядя на торчащее из тела оружие, — и упала.

Трианна рванулась ещё отчаяннее.

Внезапно хватка ослабла — оба рухнули на землю. Удерживающий её разбойник был мёртв. Из его спины торчала стрела.

Принцесса подняла голову — и увидела Чоксо. Он мчался к ним, не сбавляя скорости. Налетел на второго мужчину —

завязалась схватка.

Мариам подползла к Трианне на четвереньках.

— Жива? — спросила она.

Принцесса лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Её взгляд был прикован к Чоксо, который с хладнокровной точностью добивал своего противника. Хруст шейных позвонков разорвал напряжённую тишину. Вакхалиец поднялся, тяжело дыша, и обернулся к сжавшимся на земле де-вушкам.

Мариам, сама того не замечая, вновь вцепилась в руку Трианны.

— Глупый женщин делать глупый поступок, — прорычал Чоксо, впиваясь взглядом в глаза принцессы.

Трианна молча вытерла тыльной стороной ладони кровь, сочившуюся из разбитой губы. Чоксо сплюнул, поднял лицо к небесам и забормотал что-то на своём языке — то ли молитву, то ли проклятие.

Мариам выпрямилась во весь рост.

— Я, конечно, всё понимаю, но если ты не собираешься нас убить или возвращать назад, может, уйдём поскорее с этого места? — она твёрдо посмотрела на вакхалийца. — Не думаю, что эти двое просто прогуляться сюда вышли. Скоро подойдут их друзья, и лично я хочу в этот момент быть как можно дальше отсюда.

Трианна смотрела на Мариам с нескрываемым восхищением. Среди этого безумия та оставалась непоколебимой —

трезво мыслила, просчитывала варианты спасения. В отличие от самой Трианны, которая лишь цепенела от ужаса. *Вот бы ей хоть каплю этой отваги...*

— Поднимайся, — Мариам протянула руку.

Принцесса встала, отряхнула платье от земли и листьев.

— Спасибо, — прошептала она.

Мариам лишь махнула рукой — мол, не стоит.

Трианна огляделась, стараясь не задерживать взгляд на безжизненных телах. Страх понемногу отступал, позволяя ей собраться с мыслями. Но вдруг...

— Стой! — крик Мариам разорвал хрупкое спокойствие.

Чья-то рука вцепилась в её косу. Трианна рванулась с такой силой, что едва не лишилась скальпа. Слезы брызнули из глаз. Она обернулась — и замерла: Чоксо поднёс кинжал к её горлу.

Мариам закричала, попыталась ударить вакхалийца. Трианна зажмурилась, готовясь принять смерть.

Но хватка ослабла. Вместо лезвия — прикосновение коротких волос.

Она резко открыла глаза. Чоксо держал в руке её косу — ту самую, которой она всегда гордилась: длинную, шелковистую, густую. Теперь её гордость лежала в ладони врага.

Не веря, Трианна коснулась оставшихся прядей — неровных, обрубленных.

— Что ты... — начала Мариам, но замолкла, увидев, как Чоксо закрепляет отрезанную косу на поясе.

Принцесса всё ещё смотрела на неровно обрезанный локон, не замечая, как вакхалиец шагнул к ней и сорвал с шеи золотой кулон.

Тот самый кулон — не просто украшение, а живой символ её рода, нить, связывающая с предками, с землёй, которой больше нет.

Единственная вещь, что осталась при ней.

Может, виной тому его скромные размеры — крохотная деталь, ускользнувшая от жадных рук обыскивающих. А может, в этом был холодный расчёт: оставить кулон как незримый клинок, что день за днём будет вонзаться в сердце, напоминая об утраченном.

Но кто бы ни принял это решение — намеренно или по недосмотру, — ни один из вакхалийцев не посмел протянуть руку к святыне. Он висел на её груди — тихий, незаметный, но неумолимый свидетель прошлого.

И сейчас Чоксо безжалостно отобрал у нее последнюю нить, связывающую с домом. Она ещё не осознала утраты — не постигла всей глубины произошедшего. Лишили её гордости, лишили волос, словно вырвали часть души, а она... не нашла в себе сил даже на протест.

Ни вскрика, ни гнева, ни слёз — лишь оцепенение, тяжёлое, как свинцовый туман.

Только рука сама взметнулась к шее — инстинктивно, отчаянно. Там, под пальцами, ещё жила память: призрачное прикосновение цепочки, что годами покоилась на коже, став

почти продолжением её существа.

Теперь — пусто. Лишь холод обнажённой кожи и эхо былого тепла. Цепочка исчезла, но след её оставался — незримый, но ощутимый, как шрам на сердце.

— Я одна ничего не понимаю? — Мариам скрестила руки на груди.

Чоксо наклонился к мёртвой девушке — той самой длинноволосой блондинке — и надел ей на шею кулон Трианны. *Он хочет выдать её за меня... Но зачем?*

Закончив, он поднялся, окинул девушек тяжёлым взглядом и двинулся вперёд — в неизвестность.

— Замечательно, — фыркнула Мариам, бросаясь за ним. — Действительно, зачем мне всё это знать? Я жить ещё хочу.

Она шагала, бурча что-то себе под нос. Трианна задержалась, глядя на убитую, затем поспешила следом.

Шаг за шагом они удалялись в неведомую даль. Принцесса шла молча, взгляд её был прикован к спине Чоксо, а следом — к Мариам, что поспешала за ним с робкой решимостью.

«Как причудливо плетёт судьба свои узоры», — думала Трианна, и в душе её ворочались тени недоумения и тревоги.

Ещё недавно она и Мариам не были, а теперь — идут рядом, подчиняясь воле одного человека. Сына Вакхалии. Сына народа, что обрушил стены их дома, обратил в пепел их мир.

Он — их враг.

Но он же — их защитник.

Мысль цеплялась за обрывки событий: то, как он подстроил всё так, будто в лесу осталось тело принцессы... Что это было? Случайность? Хитроумный расчёт? Или — немислимо — попытка помочь? Ей? Им?

Что он задумал? Чего потребует взамен?

Вопросы множились, сплетаясь в тугую клубок, а ответов не было — ни одного. Лишь неясные догадки, словно тени.

Трианна глубоко вздохнула, отгоняя вихрь сомнений. Сейчас не время разгадывать загадки. Сейчас — идти.

И, сжав волю в кулак, она молча продолжила путь.

Лес становился гуще, тени — длиннее. Когда солнце скрылось за горизонтом, Чоксо объявил привал. Они вышли на небольшую поляну, где журчал чистый ручей. Трианна без сил рухнула на сырую землю.

Чоксо бросил что-то Мариам и исчез среди деревьев.

— Куда он ушёл? — подняла голову принцесса.

— На охоту, — коротко ответила Мариам.

В отличие от Трианны, она держалась бодро. Закатала изорванные рукава платья и принялась ломать ветви.

— А ты чего разлеглась? Вставай. Наломаем веток, сделаем лежаки. Я хворать не собираюсь, а ты, если будешь валяться на сырой земле, точно какую-то заразу подцепишь. Ещё бы сухих дров для костра набрать... Хотя как его без огнива разводить — пусть наш сопровождающий думает.

— А это не опасно? — вздрогнула Трианна. — Костёр но-

чью будет виден издалека. Привлечёт тех людей...

— Не думаю, — после паузы отозвалась Мариам. — Мы далеко зашли. Деревья прикроют свет, небо облачное, лунного света нет — дыма никто не увидит. Разведём огонь, хотя бы чтобы еду приготовить.

Трианна наблюдала, как Мариам легко ломает ветви. Попыталась повторить — но тщетно. Она дёргала, тянула, повисла всем телом — ветка не поддавалась.

— Н-да, этак ты до утра промучаешься, — раздался за спиной голос Мариам. — Где ж тебя такую хлипкую нашли-то? Отойди.

Плечом отодвинув принцессу, она без усилий сломала ветку.

— Иди... дров насобирай, — махнула рукой.

Щёки Трианны вспыхнули от стыда. В глазах Мариам она выглядела беспомощным ребёнком.

Принцесса бродила по поляне, собирая веточки в темноте. Мысли роем кружились в голове. Усталость давала о себе знать. Голова гудела.

Погрузившись в раздумья, она не заметила, как отдалилась от лагеря.

И вдруг — чья-то рука на плече.

Трианна вскрикнула, роняя дрова. Вторая рука зажала ей рот. Резкий рывок — и она оказалась лицом к... Чоксо.

— Эдрх теш! — рывкнул он. — Зачем кричать?

Трианна замолчала, тяжело втягивая воздух сквозь сжа-

тые губы. Чоксо отступил, опустив руки.

— Ты испугал меня! — её голос дрогнул, но в нём звенела обида. — Зачем подкрадывался? Я думала, это те люди нашли нас...

Вакхалиец лишь хмыкнул в ответ. Наклонившись, он подобрал несколько кроличьих тушек — видимо, уронил, когда Трианна вскрикнула.

— Белый женщина бояться, но уходить далеко от лагерь. Белый женщина глупый? — произнёс он, не обращая внимания на её возмущённое сопение.

Бросив на неё насмешливый взгляд, Чоксо развернулся и зашагал к лагерю. Трианне ничего не оставалось, кроме как подхватить охапку дров и поспешить следом.

На поляне их встретила Мариам — бледная, с широко раскрытыми глазами, сжимающая в руках увесистый дрын. Увидев Чоксо, а за ним — надутую Трианну, она облегчённо фыркнула и опустила своё импровизированное оружие.

Вакхалиец окинул лагерь оценивающим взглядом, одобрительно хмыкнул и приступил к разделке добычи. Трианна аккуратно сложила дрова в приготовленное Мариам место для костра. Обе девушки устремили на Чоксо вопросительные взгляды, но он словно не замечал их — целиком поглощённый своим занятием.

Когда первая тушка была готова, он наконец обернулся. Взглянул на дрова, на ожидающих его девушек, тяжело вздохнул. Похоже, мужчине пришлось самому заняться ко-

стром.

Ужин оказался сытным, но безвкусным, словно еда потеряла всякий смысл, превратившись лишь в средство поддержать тело. Когда трапеза завершилась, как и предсказывала Мариам, огонь погасили. Но прежде Чоксо швырнул в пламя отрезанную косу Трианны.

Принцесса смотрела, как огонь жадно облизывает лунные пряди, как они корчатся в алом вихре, превращаясь в пепел. Каждая искра уносила с собой частицу её прежней жизни — но внутри не осталось ни боли, ни гнева, ни даже горечи.

«Уже ничего не чувствую», — пронеслось в её сознании, словно последний вздох угасающей свечи.

— Фу, чем так воняет? — раздался вдруг раздражённый голос Мариам. Она вернулась из кустов, брезгливо помахала рукой перед носом, разгоняя едкий запах палёных волос.

Ни Чоксо, ни Трианна не обернулись, не проронили ни слова. Их взгляды по-прежнему были прикованы к танцующему пламени.

— Вы и вправду странные, — буркнула девушка, пожимая плечами. Она опустилась на свой лежак и отвернулась, будто желая отгородиться от этой немой драмы, разворачивающейся у костра.

Ночь выдалась прохладной, и лишь тогда Трианна осознала мудрость новой знакомой: лежаки, расположенные вплотную друг к другу, дарили тепло, которого не хватило бы поодиночке.

Принцесса боялась, что кошмары не дадут ей уснуть. Но усталость оказалась сильнее: едва её тело коснулось импровизированной постели, сознание погрузилось в тёмную бездну сна.

Утро нагрянуло раньше первых лучей солнца. Проснулись, умылись холодной водой, перекусили остатками жареного мяса и двинулись в путь.

Но, видимо, в расчётах Чоксо и Мариам, которые предсказывали, что они благополучно ушли от погони, была роковая ошибка — их всё-таки настигли.

Семеро вооружённых мужчин против двоих безоружных девушек и одного вакхалийца с кинжалом.

Мариам и Трианна бросились бежать, но их быстро схватили и связали. Чоксо сражался отчаянно — трое пали от его руки, прежде чем клинок вонзился в его живот.

Девушек поставили на колени. Руки скручены, вокруг — чужие голоса, незнакомый язык. Мариам пыталась держать лицо, но слёзы всё же катились по щекам. Трианна же цеплялась за последнюю крупицу воли: *она должна выжить. Обязательно.*

Внимательно оглядев их, принцесса с уверенностью могла сказать одно: это не люди Аджерхана.

Похитители оживлённо переговаривались. Один из них зажимал рану на руке, его голос становился всё яростнее. Он указывал на Чоксо, кричал, требовал... Что-то в его тоне за-

ставило Трианну вздрогнуть.

Товарищ раненого попытался успокоить его, но тот, зарывчав, оттолкнул его, схватил меч и ринулся к лежащему Чоксо.

— Нет! — крик Трианны вспорхнул птицами с ближайших деревьев.

Она метнулась вперёд, закрыв вакхалийца своим телом. В тот же миг другой разбойник перехватил меч — не дал свершиться убийству.

Раненый бушевал. Его глаза налились кровью, он жаждал расправы. Остальные окружили их, спорили, размахивали руками, качали головами. Постепенно ярость стихала. Он сплюнул, оттолкнул Трианну, схватил Чоксо за волосы, прошипел что-то в лицо — и отбросил. Из груди вакхалийца вырвался стон.

Один из разбойников занялся раной товарища, другой — телами убитых. Третий — тот, что спас Трианну и Чоксо — присел рядом. Его взгляд скользнул по Мариам, затем вернулся к принцессе. Он протянул руку к её лицу, но она резко отпрянула.

Разбойник осклабился, обнажив гнилые зубы.

— Тер дас Вакалис? — спросил он.

Трианна метнула взгляд на Мариам, снова на него.

— Я вас не понимаю, — тихо ответила она.

Он кивнул.

— Это сын Вакхалии? — вдруг произнёс он на чистом

иррильском.

Трианна кивнула.

— Мы заберём и его тоже. Но ухаживать за ним никто не будет. Если сдохнет — оставим волкам. Если выживет — пойдёт с вами.

— Куда? Куда вы нас заберёте? — осмелилась спросить принцесса.

— За него можно получить хорошие деньги, — будто не слыша её, ответил он.

Трианна хотела повторить вопрос, но мужчина уже отошёл. Он присоединился к товарищу, и оба принялись обыскивать убитых.

За спиной снова раздался стон. Трианна обернулась. Чоксо лежал с закрытыми глазами, рана на животе продолжала кровоточить.

И вдруг в голове словно щёлкнул замок. Страхи испарились, осталась лишь холодная, чёткая решимость.

Она внимательно осмотрела рану. В памяти вспыхнули обрывки уроков лекарского дела — неглубокие, поверхностные, но достаточные, чтобы понять: нужно действовать.

Рядом всхлипнула Мариам. Оглядевшись, Трианна повернулась к разбойникам.

— Мне нужен нож, — твёрдо сказала она.

Бандиты уставились на неё с изумлением. Раненый что-то бросил, остальные расхохотались. Никто не спешил выполнять просьбу.

— Вы хотите, чтобы он выжил? Вам ведь нужны деньги,
— прищурившись, произнесла принцесса. — Если ему не помочь, он умрёт.

Тот, что говорил на ирилльском, резко бросил что-то то-варищам и, шагнув к Трианне, протянул нож.

Раненый что-то рявкнул.

— Гар бех три матен, — прозвучало в ответ, и внезапно сильная рука схватила Трианну за шею сзади. Мариам вскрикнула, а разбойник снова перешёл на ирилльский: — Одна глупость с твоей стороны, девка, и твоя тонкая хрупкая шея сломается в моих руках. Ты меня поняла?

— Да, — прошепела она сквозь зубы.

Он отпустил её, снова протянул нож. Трианна взяла его, не отрывая взгляда от мужчины. Тот буркнул что-то, выпрямился и отошёл на пару шагов.

Собрав волю в кулак, принцесса повернулась к нему спиной и приступила к делу.

Первым делом разрезала одежду Чоксо, обнажив рану. Всё было залито кровью, трудно было разглядеть детали. Вдруг над головой появилась фляга. Трианна подняла глаза — один из разбойников молча протягивал её.

Открыв крышку, она принялась. Резкий запах ударил в нос, заставив закашляться. Бандиты за спиной рассмеялись. Это не вода — крепкий алкоголь. *Но это даже лучше.* Вода лишь смыла бы кровь, а это — продезинфицирует рану.

Нужно было чем-то перевязать. Не найдя иного выхода,

Трианна начала обрывать рукава своего платья. Взяв флягу, она плеснула огненную жидкость на рану.

Чоксо застонал, попытался подняться.

— Помоги! — бросила она Мариам.

Девушка резко смахнула слёзы — будто стёрла их с лица невидимой ладонью. Руки твёрдо легли на плечи вакхалийца, удерживая его на земле. Убедившись, что он больше не пытается подняться, принцесса вновь склонилась над раной.

Оторванный рукав платья послушно лёг в руки. Осторожно, почти нежно, она начала вытирать кожу вокруг раны, смывая кровавую пелену. Пропитанную кровью ткань отбросила в сторону, взяла вторую.

Когда поверхность раны наконец обрела хоть какие-то очертания, Трианна вскочила на ноги. Бандиты мгновенно напряглись — один даже вскинул лук. Но девушка не собиралась бежать.

Замахнувшись ножом, она принялась кромсать подол юбки. Разбойники расслабились, разразились грубыми шутками, засвистели, когда показались стройные девичьи ноги.

Укоротив юбку чуть ниже колен, Трианна опустилась на землю и принялась нарезать из ткани узкие полоски — импровизированные бинты. Вылив на рану ещё немного жгучего алкоголя из фляги, она вместе с Мариам приступила к перевязке. С трудом, но последний узел был завязан.

В тот же миг за спиной возник один из бандитов. Резко выхватив флягу, он рывком поднял Трианну на ноги. Второй

проделал то же самое с Мариам. Убедившись, что девушки стоят ровно, они отпустили их и взялись за Чоксо.

— Идите за нами. И без глупостей, — предупредил разбойник.

Лес поглощал их, словно тёмная пасть неведомого зверя. Трианна давно потеряла ориентиры — она не имела ни малейшего представления, в какой стороне осталась их прежняя тропа. Если бы пришлось возвращаться, она бы не нашла пути назад.

Разбойники переговаривались тихо, но их масляные взгляды не отрывались от девушек. Солнце уже стояло в зените, когда они наконец выбрались на опушку.

Там их ждали.

Две повозки, окружённые вооружёнными мужчинами, в которых сидели угрюмые люди — явно такие же пленники. Трианна всё поняла: они попали в лапы «охотников» — бандитов, промышлявших ловлей свободных людей для продажи в рабство.

Её и Мариам затолкали в повозку с меньшим числом пленников. Рядом, не церемонясь, бросили Чоксо. С его губ сорвался тихий стон. Трианна поправила повязку, украдкой огляделась.

Помимо них в повозке находились ещё пятеро: угрюмый юноша, чуть старше Трианны, забившийся в дальний угол, обхвативший колени и бормотавший что-то невнятное; тем-

новолосая девушка, обнимавшая за плечи плачущую девочку, возможно сестру; старая сухонькая женщина с лицом, похожим на пожелтевшую бумагу, седые волосы заплетены в косу; мальчик лет одиннадцати, прижавшийся к её боку.

Через час повозка тронулась. Мерный скрип колёс, ржание лошадей — всё это постепенно погружало в сон. Мариам, не выдержав, положила голову на плечо Трианны и уснула. Глаза принцессы тоже начали слипаться, но тихий стон Чоксо заставил её очнуться.

Она положила ладонь на его лоб — жар. Трианна похолодела. У неё не было ничего, чтобы помочь ему. Даже флягу с алкоголем отобрали ещё по дороге.

— Держи.

Трианна обернулась. Старушка протягивала ей бурдюк. Из-за её плеча с любопытством выглядывал мальчик.

— Это вода с травками. Напои его немного, — прозвучал тихий, но твёрдый голос.

Трианна вздрогнула, словно вынырнув из вязкого омута своих мыслей. Взгляд сфокусировался на протянутом бурдюке — грубая кожа, потёки времени, едва уловимый запах свежести. Она кивнула — коротко, благодарно, почти машинально, — и приняла сосуд дрожащими пальцами.

Осторожно, с почти ритуальной бережностью, она приподняла голову вакхалийца. Его лицо, измождённое и бледное, казалось высеченным из камня: резкие тени подчёркивали впалые щёки, ресницы слиплись от пота, а губы были

сухими, потрескавшимися.

Приложив горлышко бурдюка к его губам, Трианна замерла на миг, прислушиваясь к собственному дыханию, к едва уловимому шороху ветра за стенами крытой повозки. Капля воды сорвалась с края сосуда, скользнула по подбородку мужчины, оставив влажный след.

Он вздрогнул. Губы дрогнули, приоткрылись, и первый глоток прошёл тяжело, почти судорожно. Трианна сдерживала слёзы, наблюдая, как жизнь медленно возвращается в его глаза — сначала тусклый блеск, затем проблеск осознания.

Каждый глоток был маленькой победой. Каждый вздох — нитью, связывающей их с миром, который казался теперь чужим и враждебным.

Это было начало долгого и изнурительного пути. Пути, где каждый шаг требовал не только физических сил, но и той хрупкой, едва тлеющей искры надежды, которую они оба берегли, как самое драгоценное сокровище.

Три недели пути превратились для Трианны в бесконечную череду испытаний.

Палящее солнце. Недоедание. Недосып. Постоянный уход за раненым вакхалийцем.

Как она и предполагала, их захватили работорговцы. Путь лежал через Астарин в Оттамору — город, где работорговля была не только распространена, но и узаконена. Там, как поняла Трианна, находилась база похитителей — место, откуда

пленников выставляли на торги.

К концу второй недели в состоянии Чоксо наметился явный перелом. Он уже держался на ногах без посторонней помощи, сам брал пищу, медленно, но уверенно возвращаясь к жизни. Трианна наконец смогла вздохнуть свободнее — теперь ей не нужно было неотступно дежурить у его ложа.

А ведь ещё неделю назад всё выглядело куда мрачнее. Чоксо едва мог пошевелиться, не то что позаботиться о себе. Но рядом оказались те, кто протянул руку помощи: сама Трианна, старушка Зейна — неожиданно искусная травница, и её внук Сайс.

Сколько раз принцесса вставала на защиту Чоксо перед охранниками, которые с холодным равнодушием твердили: «Добить уroda!» Она клялась, убеждала, умоляла — лишь бы сохранить ему жизнь. Обещала, что он не станет обузой, что она сама позаботится о нём. И слово своё держала неукоснительно.

Днями и ночами Трианна не отходила от больного. Меняла повязки, поила отварами, следила за каждым его вдохом. В её руках была не просто забота — в них была воля к жизни, которую она передавала ему, словно невидимый ток.

Мариам сдалась уже через пару дней. Сначала перестала помогать, потом — и вовсе разговаривать с Трианной. Что ж, это был её выбор. Возможно, так ей было проще выжить — отгородиться от чужой боли, не пускать её в своё сердце. Но Трианна знала: если бы каждый думал только о себе,

Чоксо давно бы не было в живых.

Иногда принцесса смотрела на спящего вакхалийца и не понимала: зачем она так отчаянно борется за его жизнь? Он — вакхалиец, её враг. Но затем она опускала взгляд на свои огрубевшие руки и успокаивалась.

Сейчас именно этот вакхалиец — последняя ниточка, связывающая её с прошлой жизнью.

Во время изнурительного пути Трианна не раз возносила безмолвную хвалу богам за судьбоносную встречу с Зейной и Сайсом. Без их помощи Чоксо давно бы угас, а она осталась бы наедине со своим горем — затерянная в чужом мире, лишённая опоры.

Зейна оказалась не просто знахаркой — в её руках оживали древние секреты врачевания, переданные через поколения. Её пальцы, сморщенные временем, но удивительно ловкие, творили чудеса: смешивали порошки, настаивали отвары, накладывали целебные примочки. Охранники, поражённые её мастерством, не препятствовали ей собирать травы — лишь следили настороженно, как она колдует над раненым. А когда раны появлялись у них самих — ни тени смущения, ни намёка на неловкость. Они без заминки обращались к её умениям, словно это было их неотъемлемое право.

Трианна невольно задумалась: не благодаря ли Зейне — этой немолодой женщине с тихими руками и взглядом, в котором не гасла искорка доброты, — с ними, сидящими в этой повозке, обходились куда мягче? Не её ли присутствие смяг-

чало грубые нравы, не позволяло жестокости разгуляться в полную силу?

В отличие от тех, кто томился в другой повозке. От тех, до кого не доносился шёпот Зейны, не достигала её тень. С ними — Трианна знала — не церемонились. С ними обходились так, как и положено обходиться с пленниками в этом безжалостном мире.

А ещё Зейна помогла Трианне в час, когда её тело напомнило о себе мучительной болью. Принцесса, сжав зубы, терпела недомогание, но в глубине души ликовала: это означало, что худшее миновало. Мысль о последствиях той кошмарной ночи с Аджерханом леденила душу. Она даже в страшном сне не могла представить, что было бы, если бы он оставил в её чреве своё семя.

Сайс, несмотря на юный возраст, тоже оказался кладезем знаний о целебных свойствах растений. Его глаза, живые и пронизательные, безошибочно находили нужные травы среди буйной зелени. Вместе со Зейной они стали для Трианны не просто помощниками — они стали её спасением.

Именно к Зейне Трианна обратилась с необычной просьбой — изменить цвет волос.

— Но зачем тебе это, деточка? — мягко спросила старушка, вглядываясь в её измученное лицо.

Принцесса промолчала, лишь крепче сжала ладони. Зейна не настаивала — просто протянула ей пучок травы, скромной и неприметной, но обладающей удивительной силой.

Трианна не знала, какие слова нашла Зейна для охранников, но ей позволили собрать нужные растения и приготовить настой. Когда она омыла волосы этим снадобьем, их цвет изменился — из благородного лунного стал тёмно-русым, будничным, незаметным. Теперь никто не узнал бы в этой девушке принцессу Иррильскую.

Лишь Чоксо знал её истинную сущность. Мариам же оставалась в неведении — она давно отгородилась от Трианны стеной молчания.

Принцесса сократила своё имя до простого «Анна» — так когда-то называла её старая нянюшка, баюкая в детстве. На все вопросы о семье и доме отвечала коротко, рублеными фразами:

— Погибли при нападении вакхалийцев.

Так исчезла Трианна Катрина Аурелия Рейвандж, принцесса Иррильская — наследница престола, дочь короля, цветов дворцовых покоев.

Появилась Анна — простая рабыня, чья судьба растворилась в серой пелене безысходности.

Аджерхан наслаждался новыми покоем. Они были куда просторнее и красивее его тёмных каменных комнат в крепости Вакхалии. Две светловолосые иррильчанки, скрашивающие его досуг, добавляли уюта.

Стук в дверь прервал его утреннюю негу. Солнце уже высоко стояло над горизонтом, но вождь всё ещё нежился в по-

стели. Если кто-то решился потревожить его, значит, случилось нечто важное.

Он сел, хрипло разрешил войти.

— Вождь, у меня новости о ваших пленниках, — склонил голову вошедший помощник.

Аджерхан провёл руками по лицу, удивлённо взглянул на подчинённого. Все знали: пленные его не интересуют. Помощник понял, что может навлечь гнев.

— Речь о дочери старого короля, — наконец пояснил он.

Взгляд вождя изменился. Он поднялся, не стесняясь наготы, подошёл к столу, схватил кувшин с вином и сделал глоток прямо из горла. Помощник невольно покосился на двух девушек, смущённо прижимавших одеяла к груди. Сестры?

Аджерхан поймал его взгляд и усмехнулся:

— Могу поделиться. — Улыбка тут же исчезла. — Что с девкой?

— На колонну напали. Скорее всего, работоторговцы, — начал отчитываться помощник, но осёкся под тяжёлым взглядом.

— Где?

— На границе.

— Плохо. Что с людьми?

— Мертвы.

Аджерхан покачал головой. *Плохо. Очень плохо.* Нужно поймать этих «крыс» и раз и навсегда отучить охотиться на его территории.

— Девка?

— Её труп нашли в лесу. Недалеко от места стычки.

— Вы уверены, что это была именно она?

Вождь не стал объяснять, почему этот вопрос так важен. Не все смирились с захватом Иррилии. Наследница старого короля могла стать символом восстания. Аджерхан уже не раз корил себя за то, что не убил её сразу. Но соблазн обладать дочерью поверженного врага оказался сильнее. К тому же она была на диво хороша. Но забывать об этом было нельзя — само её существование становилось для него лезвием у горла.

Скоро, очень скоро к столице подойдёт Зиретек со своим войском. В Иррилии мало кто мог сравниться с ним в полководческом искусстве: его имя гремело как набат, а слава окутывала его, словно плащ из стали и крови. Он был не просто угрозой — он был грозовой тучей, что неотвратимо надвигалась на хрупкие стены амбиций Аджерхана.

Завоевать это королевство Аджерхан решил лишь благодаря «другу» — той таинственной силе, что шептала из тени, обещая поддержку и прикрывая тылы. Совсем недавно от «друга» пришло письмо. Всего несколько строк, но они звучали как звон мечей в ночной тиши: войско Зиретека он возьмёт на себя.

Это было... почти невероятно. Почти — потому что в мире, где верность продаётся и покупается, даже столь щедрое обещание не могло стать поводом для беспечности.

Аджерхан не позволял себе расслабиться. В его глазах по-прежнему тлел холодный огонь настороженности. Он знал: в игре престолов и интриг любая оплошность может стать последней. И пусть «друг» обещал щит — Аджерхан не собирался выпускать из рук меч.

Помощник протянул ему золотую цепочку с кулоном, на котором был выгравирован герб иррильских королей.

Аджерхан повертел украшение в руках. *Боги сами устранили угрозу. Это знак — они на моей стороне.*

Он сжал кулон в кулаке и бросил помощнику:

— Можешь выбрать любую. Или забирай обеих. — Кивок в сторону девушек, не понимавших ни слова по-вакхалийски.

Вождь вышел, прихватив одежду. Помощник, не скрывая улыбки, направился к кровати, на которой две пары глаз следили за ним с тревогой.

Аджерхан ещё раз взглянул на кулон в своей руке.

Хороший подарок для моей старшей дочери.

Глава 4

На протяжении двух тысячелетий тень рабства накрывала почти весь материк. Ещё в седой древности в душах одних людей проросло семя гордыни — они возомнили себя вправе вершить судьбы других. Так родилась эта язва мира: сперва как прихоть властных, затем — как механизм, перемалывающий жизни.

Кто-то видел в рабах лишь мускулы, годные для тяжёлой работы. Кто-то превращал их в игрушки для увеселения. А иные смекнули: человеческая плоть — товар, который всегда найдёт покупателя.

Шли века. В одних землях народ поднимал восстания, в других правители, наконец, осознавали: рабство разъедает государство изнутри. Постепенно оно отступало — сменялось феодальными укладами, а потом и вовсе изгонялось законами.

Но не везде.

В приморской Отамморе рабство не просто существовало — оно *цвело*. В её главном городе раскинулся крупнейший на материке невольничий рынок — место, где человеческие судьбы взвешивались на весах прибыли.

Отаммора встретила их удушающей жарой, пронзительными криками торговцев и солёным ветром, что оставлял на

губах привкус далёкого моря.

Улицы кишели людьми. Прохожие бросали мимолетные взгляды на телеги, но тут же отворачивались — равнодушно, будто увидели не людей, а выючных животных. Для них эти измученные фигуры под навесами были лишь товаром: бесправным, безгласным, лишённым прошлого и будущего.

Процессия остановилась у двора, ничем не отличавшегося от сотен других: серый, бездушный, такой же безликий, как и вся эта страна.

Деревянные ворота со скрипом распахнулись. Из двора выбежали мужчины — с радостными возгласами, с блеском в глазах, будто встречали долгожданных гостей. Обмен приветствиями, короткие фразы, смех. Ворота раскрылись шире — и телеги медленно вползли внутрь.

Анна (а кто теперь помнил, что когда-то её звали иначе?) осторожно оглядывалась. Она пыталась разглядеть место, где ей предстояло провести — сколько? Дни? Месяцы? Годы?

За воротами — небольшая будка, вероятно, для стражи. Дальше — двухэтажный дом из красного кирпича, строгий, без намёка на уют. За ним — длинные деревянные бараки, а ещё дальше — загоны.

Только вместо скота в них сидели люди.

Поникшие, с потухшими глазами, с плечами, согнутыми под грузом безысходности. Такие же невольники, как и она.

Анна вздохнула и снова опустила голову.

Из дома вышел тучный мужчина в шёлковых одеждах, переливающихся на солнце. За ним, как тени, следовали двое рабов в железных ошейниках. Он коротко переговорил с сопровождающими, затем махнул рукой — властно, будто отгонял мух.

Невольников стали выгонять из телег.

Они выстроились перед хозяином неровной шеренгой. Он обвёл их ленивым, оценивающим взглядом — словно прикидывал, сколько золота можно выручить за каждую из этих измученных фигур. Что-то бросил через плечо и, не дожидаясь ответа, развернулся и направился обратно в дом.

А их — погнали в бараки.

Солнце медленно клонилось к закату, но для Анны этот величественный спектакль небесного светила остался невидимым. Перед её взором — лишь шершавая, безмолвная стена деревянной клетки.

Она сидела в дальнем углу, уставившись на свои руки. Ещё пару месяцев назад это были изящные, холёные ладони принцессы — белоснежные, гладкие, украшенные тонким маникюром. Теперь же — тонкие, измождённые от постоянного недоедания, с грубыми мозолями, словно у простой крестьянки.

Да и от самой принцессы не осталось ничего.

Когда-то её называли жемчужиной Иррилии. Поэты слагали стихи, музыканты — песни, воспевая её красоту. Теперь

от Трианны осталась лишь тень — бледная, измученная, с глазами, в которых больше не теплилась радость. В груди — только глухая ненависть и жгучая, неутолимая жажда мести.

Рука невольно потянулась к ошейнику — холодному, жёсткому, натирающему нежную кожу. Это «украшение» надели всем «свежим» в первый же вечер в доме работорговца Тиэл Вижна.

— Что, малышка, скучаешь здесь одна? — раздался рядом мужской голос.

Анна вздрогнула. Родной иррильский язык — как глоток свежего воздуха в этом море чужбины. Она обернулась.

Перед ней стоял мужчина лет тридцати. Лицо — грязное, измождённое, тело — худое, обтянутое рваной одеждой, явно на пару размеров меньше. Но речь — чистая, правильная. Выходцем из Иррилии не притворяются.

Сколько же их здесь? Десятки? Сотни? Тысячи?

Мысль кольнула, как шип: когда-то она помогала матери собирать помощь для тех, кого похитили работорговцы. А теперь сама стала одной из них. Вот он — жестокий поворот судьбы.

— Ты что, глухая? Или немая? Эй, я с тобой говорю! — мужчина начал терять терпение.

Анна продолжала молчать, глядя на него снизу вверх. Она уже знала, чего от неё ждут. Не раз видела, как мужчины набрасывались на женщин, как их крики тонули в хохоте надсмотрщиков. Как их тела становились разменной монетой в

этой бесчеловечной игре.

Иногда по ночам её будили кошмары — те самые, где Ад-жерхан... Она сжимала кулаки, стараясь отогнать воспоминания, но они прилипали, как липкая грязь.

Однажды такое случилось и с Мариам.

Мужчина повалил её на землю. Она кричала, билась, но никто не вмешался. Даже стража смотрела сквозь пальцы. Той же ночью её нашли повешенной на собственном платье.

Анна узнала об этом лишь через несколько дней — девушек разместили по разным баракам. Мариам сама отстранилась от них, но всё же они были землячками. Вместе делили страх, голод, редкие мгновения надежды. Анне было искренне жаль её.

Мужчина перед Анной окончательно вышел из себя. Замахнулся — кулак уже летел к её лицу.

Но в этот миг на его плече появилась рука.

Одно движение — и он отлетел в сторону, ударившись о стену.

На его месте стоял Чоксо. Спокойный, собранный, с холодным взглядом, в котором не было ни страха, ни сомнений.

Стража, привлечённая шумом, обернулась. Но, увидев, что вакхалиец не собирается продолжать, расслабилась и вернулась к разговору.

Мужчина, получивший отпор, с кряхтением поднялся. Пошатываясь, он поспешил затеряться среди толпы рабов.

— Спасибо, Чоксо, — в очередной раз прошептала Анна, и голос её потонул в глухом шуме барака.

Да, такие сцены повторялись не впервые. То один, то другой из измученных, озлобленных рабов бросал на неё жадный, оценивающий взгляд. Кто-то пытался заговорить, кто-то — подойти ближе. Но всякий раз на их пути возникала молчаливая, неколебимая фигура вакхалийца.

Анна благодарила. Всегда.

А он — никогда не отвечал.

Вот и сейчас Чоксо лишь хмуро смотрел на неё — ни те- ни улыбки, ни проблеска тепла в тяжёлом взгляде. Его лицо, изрезанное шрамами, казалось высеченным из серого камня: ни дрожи мускула, ни намёка на мысль, таящуюся за этой бронёй молчания.

Анна привычно отвела глаза. Сколько раз уже она ловила себя на желании прорвать эту стену — услышать хоть слово, увидеть хоть отблеск живого чувства! Но вакхалиец оставался недвижим, как изваяние, и она сдавалась, отступала в мир собственных раздумий.

Прислонившись спиной к шершавой деревянной стене, Анна закрыла глаза. В темноте за веками закружились образы — рваные, хаотичные, как листья в осеннем вихре: смеющийся Войтан в детстве, с веткой цветущего миндаля в руках; отцовский замок, где каждый угол хранил эхо их игр; тот миг, когда друг отчего-то печальный выехал за ворота дворца...

«Прибыл ли он уже в столицу? — думала Анна, сжимая пальцы в кулак. — Привёл ли войско отца? Знает ли, что я здесь — в этой клетке, среди чужих лиц и чужих законов?»

Она пыталась представить его: вот он входит в тронный зал, твёрдо смотрит в глаза Аджерхана, требует ответа. Но следом всплывала иная картина — Войтан, окружённый придворными предателями, слушает равнодушные речи о «политических реалиях», о «неизбежных жертвах».

«А если знает? — сердце сжалось. — Если знает — и молчит?»

Эта мысль жгла, как раскалённый уголь. Анна резко выдохнула, отгоняя видение. Нет, не может быть. Войтан — не из тех, кто отворачивается. Он сражался за неё ещё мальчишкой, когда деревенские ребята дразнили «принцессу-затворницу». Он клялся на рассвете у старого дуба: *«Я всегда найду тебя, Три. Даже если мир рухнет».*

Но здесь, в полумраке барака, клятвы звучали как детские сказки.

Чоксо по-прежнему молчал. Где-то за стенами барака раздавались грубые окрики. Анна приоткрыла глаза — перед ней всё та же серая стена, тот же запах пота и сырости. И только шрам на щеке вакхалийца, будто трещина в камне, напоминал: мир не бесчувственен. Он ранит. Он лечит. Он ждёт, когда ты решишься сделать шаг.

«Войтан, — мысленно позвала она, вглядываясь в сумрак. — Найди меня. Пока я ещё умею верить».

— Зачем? — вдруг прозвучало рядом.

Анна вздрогнула.

Это было первое слово, произнесённое Чоксо с тех пор, как он очнулся после ранения. Ей даже показалось, что она ослышалась.

Она повернула голову — и встретила с его взглядом. В нём не было привычной отстранённости. Только вопрос. Настойчивый, прямой.

— Зачем что? — переспросила она, сама не зная, почему голос дрогнул.

— Зачем белый женщин спасать Чоксо? — Он говорил на ломанном иррильском, но смысл был ясен. Каждое слово — как удар молота.

На губах Анны проступила кривая усмешка. Она отвела взгляд, уставившись в пустоту между досками пола.

Ответить было нечего.

Зачем она спасла его?

Потому что не могла поступить иначе?

Потому что в тот миг, когда она склонилась над его окровавленным телом, в ней что-то сломалось — и что-то новое родилось?

Или просто потому, что в мире, где всё превратилось в пепел, хоть кто-то должен был остаться человеком?

Она промолчала.

Но Чоксо, казалось, прочёл всё в её молчании.

Он медленно опустился рядом, прислонился к стене. Их

плечи почти соприкасались, но между ними по-прежнему лежала пропасть — из языков, обычаев, судеб.

— Теперь Чоксо должник белый женщин. За жизнь платить жизнь, — произнёс он спустя долгое молчание. Голос звучал ровно, без пафоса. Просто факт. Как восход солнца или падение листа.

Анна тихо вздохнула.

— Мне не нужна твоя жизнь, Чоксо, — сказала она честно.

Вакхалиец не ответил.

Запястье Анны пронзило жгучей вспышкой боли. Она невольно сморщилась, стиснув зубы, но уже через миг неприятные ощущения растаяли, оставив лишь призрачное жжение.

Подняв глаза, она замерла: лицо Чоксо исказилось — в нём смешались боль и изумление. Резким, почти судорожным движением он рванул ворот рубашки, обнажая плечо.

На тёмной коже проступал знак — точь-в-точь такой же, какой сейчас пылал на её предплечье.

Анна едва успела позабыть о нём. После произнесённой клятвы узор ещё некоторое время отчётливо выделялся на коже, а затем поблёк, став едва различимым. Теперь же он вновь ожил — яркий, словно выжженный огнём.

И что страшнее — теперь такой же знак украшал тело Чоксо.

Что это могло значить?

Мысль пронзила её, как молния: неужели его слова прозвучали как клятва? Неужели теперь они связаны — незримой, но нерушимой нитью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.